

ЭСТЕТИЧЕСКОЕ И ХУДОЖЕСТВЕННОЕ

В. С. Манешин

Взаимосвязь и взаимоотношение эстетического и художественного — это вопрос не только теории, но и практики. Он имеет важное значение прежде всего для определения предмета и назначения искусства, его соотношения с действительностью, а также для решения вопроса о содержании различных эстетических категорий и глубины отражения ими действительности. От правильного решения его зависит, наконец, и определение самого предмета эстетики как науки. Все это в своей совокупности ставит данную проблему на одно из первых мест в истории эстетических учений и определяет то огромное внимание, которое уделяется ей в различных эстетических теориях.

В ходе длительной полемики отчетливо обозначились различные и прямо противоположные взгляды на поставленную проблему, часто обобщавшуюся как вопрос о соотношении прекрасного в природе и прекрасного в искусстве. В эстетических концепциях сторонников взгляда на искусство как на подражание и в концепциях тех, которые рассматривали и рассматривают искусство как игру ради забавы и чистого удовольствия или как особую сферу чистого эстетического созерцания, это различие в ее решении выражено наиболее полно и последовательно.

Сторонники выдвинутой в свое время Аристотелем теории подражания ограничивают задачи искусства копировкой или подделкой действительности, созданием ее суррогата, а его роль рассматривают только как «умственное удовольствие распознавания предметов памятью»¹. Неизменно выводя эстетическое, как и его различные категории, из строго определенных объективных свойств самой действительности, они распространяют такое соотношение между действительностью и эстетическими понятиями и суждениями о ней на искусство, ограничивая тем самым его функции и назначение в жизни человеческого общества довольно узкими рамками простого копирования действительности.

Подобная концепция создает определенные предпосылки для проникновения в искусство враждебной ему натуралистической иллюстративности, голого копирования действительности. Отсюда и принижение роли поэта, художника в творческом процессе, попытки представить его по отношению к изображаемым лицам и событиям только как историка или автора мемуаров, а в некоторых случаях и просто как «компилятора» народных преданий. Вполне естественно, что в такой интерпретации самого искусства прекрасное в нем ставится ниже прекрасного в действительности, рассматривается только как его отражение или копия.

¹ М. Гюйо. Собрание сочинений, т. V, Спб., 1901, стр. 49.

Приоритет прекрасного в действительности над прекрасным в искусстве обосновывается при этом ссылками на совершенство самой природы, на отсутствие недостатков в ее существующей объективно красоте.

Взгляд на искусство как на простую копию действительности нашел в наше время многочисленных последователей и защитников среди сторонников так называемой теории эстетических качеств или свойств — «природников» и «общественников».

«Природники», наделяя предметы, явления и процессы природы и общественной жизни особыми, независимо от человека существующими эстетическими качествами или свойствами и рассматривая их как результат ее закономерного развития, приходят затем к выводу, что человек лишь отражает, воспринимает эти качества или свойства объектов реальной действительности. На основе объективно существующего эстетического возникает затем и художественное: концентрируя отдельные факты, события и явления в художественном образе, художник тем самым якобы превращает эстетическое в действительности в художественные свойства или качества произведений искусства, которые и служат выражением наиболее характерного, типического в жизни. Но так как в самой реальной жизни типическое существует в несколько «разреженном, разжиженном, разбросанном виде»¹, то задача художника, с точки зрения «природников», и состоит в том, чтобы собрать и объединить это типическое, сгустить и сконцентрировать его, создать «более типичные и более законченные в своей типичности»² образы.

Понимание художественного как простой копии предметов и явлений действительности, их различных качеств или свойств на практике приводит «природников» к низведению искусства до роли простого регистратора событий, простой и к тому же плохо сделанной их копии, к отрицанию права искусства вторгаться в жизнь, содействовать ее переделке и изменению в желательном для человека и общества направлении. «Природник» С. М. Пермяков, например, решительно отвергает термин «освоение» применительно к искусству только на том основании, что он «двусмысленный, его употребляют и в смысле познания действительности и в смысле ее изменения... Этот термин затушевывает тот факт, что основу искусства составляет объективное отражение действительности. Отражение предполагает воздействие объекта на субъект, освоение на первый план выдвигает субъекта, предполагает вторжение субъекта в действительность»³.

«Общественники», признавая вслед за «природниками» наличие в действительности существующих независимо от человека и его сознания эстетических качеств или свойств, в то же время, в отличие от «природников», связывают их возникновение с его общественно-практической деятельностью. Так, для Л. Столовича эстетическое в действительности возникает различными путями — одни явления приобрели эстетическое свойство, т. е. свойство быть прекрасным или отвратительным, возвышенным или низменным, трагическим или комическим, независимо от воли и сознания человека, в другом случае эстетическое есть результат сознательной деятельности человека, результат его творчества по «законам красоты». Кроме того, по мнению Л. Столовича, «существует и

¹ Г. Н. Поспелов. Эстетическое и художественное. Издательство Московского университета, 1965, стр. 264.

² Там же, стр. 265.

³ С. М. Пермяков. О субъективистских тенденциях в эстетике. «Вопросы философии», 1961, № 5, стр. 113.

такая человеческая деятельность, для которой создание эстетического не есть нечто производное, практическое существует в самом эстетическом. Это и есть художественная деятельность, художественное освоение человеком действительности, осуществляемое в искусстве»¹.

Л. Столович считает, что эстетическая определенность образа как отражение эстетических свойств действительности — одно из важнейших условий художественности искусства. «В художественности искусства, — утверждает он, — эстетическое проявляется в двух планах: во-первых, в том, что искусство отражает объективно существующие эстетические свойства, и, во-вторых, в том, что искусство — результат деятельности художника»². По мнению Ванслова, как и других «общественников», искусство отражает преимущественно эстетические свойства действительности, «которые поэтому и есть особый предмет художественного познания»³.

Аналогичных воззрений на сущность эстетического и художественного, их специфику и соотношение придерживается и другой сторонник теории «общественного» происхождения эстетических качеств или свойств В. Ванслов. По его мнению, «художественный образ и эстетические качества явлений действительности — однородные, однопорядковые, хотя и не тождественные явления... Эстетическое качество — это как бы зародыш, эмбрион художественного образа»⁴. Он считает, что специфическим предметом искусства является не человек, а объективная действительность в ее эстетическом своеобразии или эстетических качествах. «Точнее же, предмет искусства — эстетические качества действительности, — говорит В. Ванслов. — Именно в данном отношении, с эстетической ее стороны, призвано искусство отображать явления жизни, правдиво раскрывать людям ее эстетические качества»⁵.

Признавая наличие в реальной действительности эстетического в виде особых качеств ее предметов и явлений, В. Ванслов рассматривает эстетическое как зародыш, прообраз художественного, как исходную точку и вместе с тем конечный результат процесса отражения действительности в искусстве. Таким образом, В. Ванслов, волюн или неволюн, органицирует задачи искусства копированием реального мира и игнорирует его главную цель — преобразование и изменение действительности в желательном для человека и общества направлении.

Наряду с теорией подражания в эстетике широко распространены и представления о художественной деятельности, как игре ради забавы и чистого удовольствия или как особой сфере чистого эстетического созерцания. Эти теории в свое время защищали К. Гроос, Ф. Шиллер, Г. Спенсер, А. Шопенгауэр, Шеллинг, Липпс, Гегель и другие философы. Своих сторонников находят они и среди современных буржуазных философов.

По мнению К. Грооса, игра и художественное творчество не преследуют лежащие вне их цели, а предпринимаются ради чистого удовольствия от игры и творчества. Как игру и забаву, которые захватывают самую глубь человеческого существа, рассматривал искусство Ф. Шиллер. Из его эстетической концепции следует, что сама по себе природа как идея духа лежит под покровом явлений, но никогда не обнаружи-

¹ Л. Н. Столович. Эстетическое в действительности и в искусстве. Госполитиздат, М., 1959, стр. 222—223.

² Там же стр. 223.

³ Там же, стр. 228.

⁴ В. В. Ванслов. Проблема прекрасного. Госполитиздат, М., 1957, стр. 220.

⁵ Там же, стр. 218.

ваются в них и потому не воспринимается чувствами. Только искусство в состоянии постичь этот дух сущего и закрепить его в осязаемой форме, сделать правдивее всякой действительности и реальнее всякого опыта.

Подражая лишь видимости, а не действительности, оно, по мнению Шиллера, делает человека действительно свободным тем, что пробуждает, упражняет и развивает в нем способности отодвигать в объективную даль тяготеющий над ним, как грубая материя, чувственный мир, превращает этот мир из слепой гнетущей силы в свободное создание человеческого духа и позволяет, таким образом, посредством идей властвовать над всем материальным. Однако художник при этом не расстается с действительностью раз и навсегда, а воспроизводит ее так называемую видимость — нечто такое, что исходит от него самого. Следовательно, художник воспринимает эстетически не саму природу, а вкладываемую в нее идею. «Из этого следует,— заключал Ф. Шиллер,— что художник не может воспользоваться ни одним моментом действительности в том виде, как он его находит, что его создание во всех своих частях должно быть идеальным, если как целое хочет иметь реальность и согласоваться с природой»¹.

Такая постановка вопроса в известной мере повторяла взгляды Платона: природа есть осуществление вечных божественных идей, живших раньше вне ее, живущих в субъекте созерцания, помимо природы; образы этих идей человек воспринимает и воспроизводит в искусстве. Она предвосхищала и эстетическую теорию Шеллинга, в том числе и решение им вопроса о соотношении эстетического и художественного.

Сущность художественного изображения, по мнению автора «Системы трансцендентального идеализма», определяется тем, что художник, освобождаясь от мира действительности, переносится в абсолютно чуждую действительности сферу чистого эстетического созерцания. На этой основе любое художественное произведение и в целом искусство рассматривается как средство удовлетворения особой способности человека к восприятию чистых идей как первообразов прекрасного, высокого или идеального. Утверждая «святость и чистоту» искусства, Шеллинг отрывал его от всяких внешних целей — не только пользы, но и чувственного наслаждения. «Независимостью от внешних целей,— писал он,— объясняется также святость и чистота искусства, которые простираются до таких пределов, что здесь исключается какая-либо соприкосновенность не только с тем, что дарует одно чувственное наслаждение (требования подобного рода, предъявляемые к искусству, характеризуют лишь пору варварства), но также и с пользой»².

Объявляя искусство «целью в себе», Шеллинг отрицал его познавательную и воспитательную функции, а прекрасное в искусстве считал изображением бесконечного в конечной форме или изображением чистой идеи в ее чувственном проявлении. Настоящая, подлинная красота, доказывал он, имеет место только в искусстве, красота же природы, действительности в целом стоит ниже, поэтому ее и нельзя рекомендовать в качестве нормы для искусства, «скорее совсем наоборот — выдвигаемое искусством в качестве совершенства должно превратиться в принцип и норму для оценки красоты природной»³.

¹ Ф. Шиллер. Собрание сочинений. Государственное издательство художественной литературы, М., 1957, т. VI, стр. 658.

² Шеллинг. Система трансцендентального идеализма. Соцэкгиз, Л., 1936, стр. 386—387.

³ Там же, стр. 386.

В гегелевской эстетической теории это положение Шеллинга было доведено до своего логического конца — красота в природе объявлялась неполной и несовершенной, вторичной по отношению к красоте самого духа, его отражением. «Красота в искусстве, — разъяснял Гегель во «Введении» к своим лекциям по эстетике, — является красотой, порожденной и вновь порождаемой духом, и насколько дух и его произведения стоят выше природы и ее явлений, настолько также и красота в искусстве стоит выше красоты в природе. Больше того, с *формальной* точки зрения можно сказать, что даже какая-нибудь плохонькая шальная фантазия, приходящая в голову человеку, стоит *выше* какого угодно произведения природы, ибо и в такой фантазии все же присутствует духовность и свобода. . . единственно лишь дух есть истинное, единственно лишь он объемлет все в себе, так что все другое прекрасное подлинно прекрасно лишь постольку, поскольку оно причастно этому высшему и порождено последним. В этом смысле прекрасное в природе является лишь отражением красоты, принадлежащей духу, является несовершенным, неполным видом красоты, который по *существенному* своему *бытию* содержится в самом духе»¹.

Противопоставление прекрасного в искусстве прекрасному в природе закономерно вытекало из идеалистических воззрений Гегеля, из признания им основой всего существующего некоего духовного начала в виде «мирового разума», «мирового духа» или так называемой «абсолютной идеи». Существовая до природы и общества, гегелевская «абсолютная идея» порождает их многообразные предметы, явления и процессы, а затем в духе — в мышлении и истории — вновь возвращается к самой себе. В непосредственном единстве с действительностью и в ее оформлении — в форме чувственного образа — она, по Гегелю, выступает и как воплощение наиболее совершенной или истинной красоты. Поэтому в искусстве, содержанием которого является идея, красота или прекрасное выступает в своем первоначальном и наиболее полном виде, т. е. как подлинно прекрасное и в то же время как первичное по отношению к прекрасному в природе.

Подобные воззрения на сущность искусства, в том числе и на соотношение эстетического и художественного, характерны и для представителей различных течений современной буржуазной философии и психологии, которые, рассматривая чувства человека в отрыве от его сознания, приходят к выводу об интуитивном, иррациональном и аллогичном характере искусства, отрицают взаимосвязь художественного и разумного, считают, что они несовместимы и взаимоисключают друг друга. По мнению Н. Гартмана, «глубокому наслаждению мысль может только мешать»². Это положение распространяется также и на область эстетических отношений человека к действительности. «Истина, которую пытается установить теория, — писал Д. Сантаяна в статье «Природа красоты», — заключается в том, что когда мы ищем эстетических наслаждений, мы затем не получаем умственного наслаждения, что мы не смешиваем удовлетворение от тщеславия или присвоения с восхищением, получаемым от созерцания»³. Неизбежным следствием таких утверждений буржуазных философов и эстетиков являются попытки подменить подлинно реалистическое искусство различными формалистическими и абстракционистскими упражнениями, оторвать его от дей-

¹ Гегель. Сочинения, т. XII. Соцэкгиз. М., 1938, стр. 2.

² Н. Гартман. Эстетика. Изд-во иностр. лит-ры, М., 1958, стр. 13.

³ Современная книга по эстетике. Изд-во иностр. лит-ры, М., 1957, стр. 256.

ствительности. «Художественный объект,— читаем мы в «Дегуманизации искусства» Хозе Ортега-и-Гассета,— является художественным лишь постольку, поскольку он нереален»¹. Как и философы-идеалисты прошлого, современные защитники различных идеалистических концепций в философии и эстетике также отрывают эстетическое и художественное от их первоосновы — реальной действительности, что в свою очередь приводит или к смешению этих двух различных и в то же время взаимосвязанных между собой категорий или, наоборот, к ничем необоснованному противопоставлению их друг другу.

Налицо, таким образом, два подхода к решению одного из важнейших вопросов научной эстетики — вопроса о соотношении эстетического и художественного. Теория искусства как подражания объявляет природу, действительность непревзойденным образцом, вершиной человеческих представлений о совершенном и прекрасном и на этом основании ограничивает возможности художественного познания копированием ее. Тем самым прекрасное в искусстве (и художественное вообще) ставится в такую зависимость от прекрасного в природе, действительности (и эстетического вообще), при котором оно не может и не в состоянии превзойти его. Отсюда и представления о несовершенстве и ограниченности художественного по сравнению с непосредственными эстетическими восприятиями и суждениями. Сторонники взглядов на искусство как игру или как особую сферу чистого эстетического созерцания, напротив, доказывая приоритет прекрасного в искусстве, не только игнорируют тем самым возможность эстетических понятий, суждений о природе и всей окружающей человека действительности, но так же лишают эстетическое и художественное их связей с жизненными функциями, общественными интересами человека и человечества.

Признание активной, преобразующей роли искусства в жизни человеческого общества опровергает рассмотренные концепции как несостоятельные теории и позволяет по-новому решить вопрос о реальном соотношении эстетического и художественного.

По своей природе и сущности эстетическое не есть обозначение каких-то извечно существующих или привнесенных человеком особых качеств или свойств предметов, явлений и процессов. Оно возникает на основе такого отношения к действительности, которое всегда сопровождается специфическим эмоциональным состоянием субъекта, его переживаниями, непосредственно вытекающими из соответствующей оценки объекта, не связанной с практическим, утилитарным интересом, но и не противоположной ему.

Радуясь или скорбя, восторгаясь или ненавидя, человек тем самым выражает свое субъективное эмоциональное отношение к действительности, к ее различным предметам и явлениям в форме разнообразных оценок, которые затем перерастают в эстетические понятия и суждения, обозначаемые в науке категориями прекрасного и безобразного, возвышенного и низменного, трагического и комического и т. д. В своей совокупности эти оценочные категории объединяются в более широком понятии «эстетическое», а складывающиеся на основе различных эстетических понятий и суждений отношения между людьми и окружающим их миром характеризуются как отношения эстетические.

Эстетические отношения в ряде случаев не выходят за пределы суждений о конкретно-чувственном облике предметов и явлений, т. е. их

¹ Современная книга по эстетике. Изд-во иностр. лит-ры, М., 1957, стр. 447.

формы и внешних связей. Но это только частный случай, возможный в условиях, когда эстетические оценки возникают в результате суждения лишь о внешних признаках, о форме объектов, без глубокого проникновения в их сущность, внутренние связи и закономерности становления и развития. На практике в подавляющем большинстве случаев эстетические эмоции, а затем и суждения возникают как результат совокупности воздействия, с одной стороны, формы, цвета и тому подобных внешних факторов, а с другой, — возникших в процессе познания данного объекта понятий и суждений о его сущности. При посредстве последних эстетическое воздействие объектов становится осознанным, озаренным светом человеческого разума. Благодаря такому слиянию воедино эмоциональных и рациональных моментов эстетические эмоции приобретают свойство эстетической оценки и суждения не только о форме, но и о содержании предметов, явлений, процессов окружающей нас действительности во всех ее самых разнообразных и порой противоречивых проявлениях, о внутреннем мире самого человека.

Не менее важное значение в формировании эстетических понятий и суждений имеет сравнение воспринимаемого объекта с установившимися представлениями о таком желательном для человека в настоящее время или в будущем эстетическом совершенстве, которое бы доставляло положительное эмоциональное волнение и удовлетворяло непрерывно возрастающие эстетические запросы и потребности. Поэтому все то, что мы называем красивым или безобразным, возвышенным или низменным и т. д., не есть нечто раз и навсегда данное, прочное и устойчивое — эстетические понятия и суждения, а также эстетические вкусы и идеалы непрерывно изменяются и наполняются новым содержанием. Эстетика, следовательно, не может выработать какой-либо неизменный критерий для оценки эстетических отношений человека к действительности, раз и навсегда установить, что красиво или безобразно, возвышенно или низменно, трагично или комично.

В изменчивости, подвижности эстетических категорий нет ничего неожиданного и исключительного — вместе с изменением наших представлений об окружающем мире уточняются и наполняются новым содержанием и категории других форм общественного сознания, в том числе и науки.

Но человек не только пассивно созерцает мир, отражает его в своем сознании, но и воспроизводит путем соответствующей переработки, творит его в соответствии с поставленной перед собой целью. Не составляют исключения и эстетические отношения человека к действительности. Побуждая его к действиям по изменению объектов применительно к сложившимся или складывающимся представлениям о норме эстетического совершенства, они затем перерастают в свою высшую форму — в художественное познание мира, в художественное творчество.

Эстетические отношения к действительности, таким образом, не только доставляют человеку наслаждение, но и дают возможность высказывать определенные суждения об окружающем его мире, а в своей высшей форме — в искусстве — и воспроизводить его. На этой основе и возникает тесная связь, с одной стороны, между эстетическими наслаждениями и суждениями, а с другой — между художественным познанием и творчеством. Взаимосвязь между эстетическим и художественным проявляется также в общности оценочных категорий, в наличии определенного единства эмоционального и рационального, объективного и субъективного, в способности познавать не только форму, но и со-

держание. Между ними, вместе с тем, имеются и существенные различия.

Если эстетическое возникает в результате отражения сознанием человека действительности такой, как она есть, то художественное — это идеализированное, творчески преобразованное в соответствии с замыслом и идеей художника отражение ее. Возникающий на этой основе художественный образ и составляет одну из важнейших специфических особенностей искусства в сравнении с эстетическим, как непосредственным образом действительности.

В своей повседневной жизни, в процессе производства материальных благ люди, создавая различные вещи, стремятся сделать их не только полезными, удовлетворяющими утилитарные потребности, но и совершенными с точки зрения своих эстетических вкусов и идеалов, т. е. удовлетворяющими и эстетические потребности. Поэтому художественная деятельность универсальна, она пронизывает самые различные направления и формы человеческой деятельности, стирая тем самым грань между искусством и неискусством. Однако при создании предметов утилитарно-практического назначения творческая человеческая деятельность, именно как деятельность художественная, часто бывает ограничена и назначением самого предмета, спецификой его производства, и, что особенно важно, возможностями самого человека, его способностями и умением выйти за узкие рамки утилитарно-практической ограниченности изделий и воплотить в них более или менее значимые идеи. Без такого акта созидания, творчества, основу которого составляет идеализирующая человеческая деятельность, ни один объект не может и не будет восприниматься как произведение искусства.

Любой факт жизни прежде чем стать фактом искусства озаряется светом человеческого разума, усиливается и обогащается им. Творчески переработанные, пронизанные мыслью, идеей художника те или иные факты действительности составляют затем содержание произведения, в тесной связи с которым определяется и его форма.

Благодаря идее искусство становится не менее истинной формой познания, чем наука. Более того, по степени глубины и правильности отражения некоторых сторон окружающего мира художественное познание не только не уступает научному, но в ряде случаев и превосходит его. Творения А. С. Пушкина, Л. Н. Толстого, А. К. Саврасова, И. Е. Репина, М. П. Мусоргского, П. И. Чайковского и других выдающихся мастеров русской литературы и искусства XIX столетия не только знакомят нас с важнейшими этапами истории нашей Родины, но и дают возможность, в отличие от произведений историков и экономистов, острее почувствовать накал общественной борьбы той эпохи, понять высокие идеалы, во имя которых она велась. Важную роль играет искусство и в познании внутреннего духовного мира человека. Только оно в состоянии проникнуть в его глубокие тайники, исследовать не только его наиболее общие законы, как это имеет место, например, в психологии, но и показать, как эти законы конкретно и в бесконечном многообразии проявляются в поведении и действиях отдельной личности. Художественные произведения служат также проводником научных идей, открытий и изобретений, выступают как могучее средство воздействия на человека, его воспитания.

Вполне естественно поэтому, что в отличие от эстетического, для которого форма, тесно связанная с содержанием, в ряде случаев имеет, однако, самостоятельное значение в смысле воздействия на субъект, в

художественном, в искусстве форма всегда выступает как средство выражения содержания, передачи как созданных художником конкретных картин действительности, так и заключенных в них мыслей, чувств, настроений самого художника и его отношения к изображаемому.

Есть тонкие властительные связи
Меж контуром и запахом цветка.
Так бриллиант невидим нам, пока
Под гранями не оживет в алмазе,

— писал в «Сонете к форме» В. Я. Брюсов¹.

Грани, благодаря которым бриллиант «оживает» в алмазе, мрамор — в скульптуре и т. д., — творение человека, результат его целенаправленной деятельности, его стремления выразить посредством их свое отношение к окружающему миру предметов и явлений, свои получившие признание той или иной части общества думы, чаяния и надежды. При этом каждая сознательно наносимая грань выполняет строго определенную функцию, удовлетворяет потребность человека в познании. В качестве примера достаточно указать на статую Венеры Милосской, украшающую один из залов Лувра.

Внешне очаровательный образ молодой женщины в данном случае служит средоточием глубоких раздумий неизвестного гениального автора о смысле человеческой жизни и всепобеждающей силе ее светлых и добрых начал и в то время как бы усиливает, подчеркивает их достоверность. Отдельные детали облика еще более подчеркивают выразительность статуи, оживляя ее и создавая впечатление, что эта, в сущности безмолвная, мраморная красавица видит и мыслит. Именно так воспринимает это произведение искусства молодой врач Юдым из романа польского писателя Стефана Жеромского «Бездомные». «Голова ее была обращена к нему, — читаем мы в романе, — и мертвые глаза, казалось, глядели. Склоненное чело выделялось из мрака, и брови сдвинулись, как будто они стремились рассмотреть что-то. Юдым в свою очередь всматривался в нее и лишь теперь заметил маленькую, чуть заметную складку между бровями, которая создает впечатление, будто эта голова, эта в сущности каменная глыба — мыслит. С проникновенной силой всматривается она в простирающийся вокруг мрак и разрывает его ясными глазами. Вперилась очи в тайники жизни и чему-то в ней шлет улыбку. Напряжением беспредельного и чистого разума она достигла полного знания, увидела вечные труды и дни на земле, увидела ночи и текущие в их мраке слезы. С белого чела богини еще не успело сойти мудрое раздумье, а между тем ее мечтательные губы благоухают великой девственной радостью. В их улыбке обожание. Обожание счастливой любви, свободного духа и свободного тела в жизни всей безгрешной природы. Обожание напряженной силы чувственного восторга, не притушенного еще ни трудом, ни горестью — этими несчастными сестрами. Улыбка богини издали приветствует приближающегося... Ее стройные, узкие, круглые плечи приподняты, девственная грудь дрожит от вздоха... От смуглого овального лица веяло неопишущим очарованием»².

Возникновение искусства как самостоятельной области, особой формы человеческого познания не означало, как это пытались и пытаются

¹ В. Я. Брюсов. Стихотворения. Изд-во «Советский писатель», Л., 1959 г., стр. 61.

² С. Жеромский. Избранные сочинения, т. 2. Государственное издательство художественной литературы, М., 1958, стр. 232.

представить некоторые буржуазные ученые, утери взаимосвязи между художественным и разумным. Коренные изменения в области материального производства и духовной жизни, значительные сдвиги в социальных условиях существования человека, непрерывно увеличивающиеся возможности познания им окружающего мира — все это в своей совокупности является как бы школой, в которой воспитываются, расширяются, углубляются и обостряются его эстетические чувства и соответственно изменяются, развиваются по восходящей линии от простого к сложному, от качества низшего порядка к качеству высшего порядка и эстетические отношения к действительности. Возрастающая при этом осознанность и осмысленность эстетических чувств и эстетических отношений человека к действительности не только не ослабляет, а увеличивает их возможности.

Это положение в полной мере сохраняет свою силу и по отношению к искусству, рациональный характер которого, помимо лежащих в его основе осознанных и осмысленных эстетических чувств, определяется также всем тем строем мыслей и идей, которые неизменно включаются в его содержание, озаряют образы его произведений. «Чувство само по себе,— писал В. Г. Белинский,— еще не составляет поэзии: надо, чтоб чувство было рождено идеею и выражало идею. Бессмысленные чувства — удел животных; они унижают человека»¹. Отсюда и необходимость эстетического воспитания как целенаправленного формирования эстетических чувств, и художественного образования на основе общего умственного и духовного развития личности. Без этого немыслимо наслаждение ни в процессе эстетического созерцания, ни в ходе восприятия произведений искусства.

Индивидуальное и неповторимое в эстетическом, в произведениях искусства, в художественном дополняется еще и обобщением, соединением воедино не только отдельных черт и граней различных однородных объектов, но и запаса наблюдений и мыслей относительно неисчерпаемого многообразия жизни, ее целей, а также места и роли в ней самого человека.

Отражая реальное единство общего и единичного и обобщая на его основе повторяемые или однородные явления и процессы, а также в той или иной мере идеализируя их, пропуская сквозь призму своих интересов и идей, художник затем воплощает это единство в неповторимой индивидуальной форме, в конкретных и в то же время типических или идеализированных образах, в их живой целостности и во всей сложности диалектики их внутреннего развития. Такое сочетание в неразрывном единстве обобщенного и конкретного, объективного и субъективного в произведениях искусства неизмеримо обогащает их содержание, усиливает достоверность и убедительность. «Богаче всего,— писал В. И. Ленин в «Философских тетрадах»,— самое конкретное и самое субъективное»².

Наличие обобщенного в форме конкретно-чувственного позволяет искусству служить не только целям удовлетворения человеческой потребности в познании истины, но и ставить перед людьми такие новые проблемы общественного бытия, которые требуют своего решения, волнуют не только современников, но и все человечество или его значи-

¹ В. Г. Белинский. Полное собрание сочинений. Гослитиздат, М., 1955, т. 6, стр. 466.

² В. И. Ленин. Соч., т. 38, стр. 224.

тельную часть на протяжении веков. Эта способность подниматься в своих обобщениях до познания общего, наиболее характерного и важного и в настоящем, и в перспективе исторического развития многих поколений составляет одну из важнейших специфических особенностей художественного, — возникая из эстетического и будучи с ним тесно взаимосвязано, оно вместе с тем, благодаря обобщению и другим своим специфическим особенностям, как бы вырастает над ним, образуя его высшую форму.

Важную роль в становлении художественного как высшей формы эстетических отношений человека к действительности играет и субъективный фактор, те существенные коррективы, которые творческая человеческая деятельность вносит в соотношение в нем объективного и субъективного.

В отличие от эстетического, в котором субъективное возникает в самом процессе восприятия внешнего мира и зависит от характера эстетических переживаний субъекта, субъективное в художественном составляет неотъемлемую часть произведения искусства. Подобный сплав объективного и субъективного позволяет художнику передать читателю или зрителю не только необходимые с его точки зрения факты, но и создать у них определенное настроение, пробудить мысли и чувства и направить их объяснительную работу в желательном для него направлении. Указывая на эту особенность искусства, М. Е. Салтыков-Щедрин, например, видел ее великую для человека пользу в том, «что художественное произведение приводит его к сознанию собственных его сил, что оно вызывает их, возбуждает к деятельности и открывает ему новый, необъятный мир, который для того времени оставался незатронутым, незамеченным и ждал только первого толчка, чтоб выйти из косного своего состояния»¹. Успешное решение этой задачи целиком и полностью зависит как от силы чувственной достоверности изображаемого, так и от значительности, глубины того общего, что составляет в произведениях искусства сплав объективного и субъективного.

Искусство, художественное способно охватывать собою все в действительности, любые факты и события жизни. Эстетические же понятия и суждения ограничены сравнительно узким кругом восприятий лишь единичного и вместе с тем особенного в конкретных предметах и явлениях, выражающихся также в конкретных эмоционально окрашенных человеческих переживаниях и душевных движениях, наслаждении от эстетического отношения к миру. Отсюда и универсальность искусства, его способность глубоко проникать в самые разнообразные сферы и формы человеческой деятельности и соответственно изменять ее плоды — наряду с полезностью в утилитарном смысле, придавать им и определенную привлекательность с точки зрения удовлетворения эстетических потребностей.

Неизменным спутником человеческой деятельности во всех ее разнообразных формах является и эстетическое. «Математика должна помогать философу углубляться в понятия числа, пространства и времени, — писал выдающийся французский математик А. Пуанкаре. — Люди, посвященные в ее тайны, вкушают наслаждения, подобные тем, которые дает нам живопись и музыка. Они восторгаются изящною гармонией

¹ Н. Щедрин (М. Е. Салтыков). Полное собрание сочинений. Государственное издательство художественной литературы. М., 1939. т. 1, стр. 353.

чисел и форм; они приходят в восхищение, когда какое-нибудь новое открытие раскрывает перед нами неожиданные перспективы»¹. Но наслаждения как результат эстетических восприятий лишь побуждают человека к деятельности по преобразованию мира в соответствии с эстетическим идеалом, в то время как художественное, будучи для читателя и зрителя объектом эстетического восприятия и познания, во всех случаях представляет собой итог, плод творческой деятельности художника. Поэтому оно и богаче, совершеннее эстетического.

При таком соотношении эстетического и художественного утверждения сторонников теории подражания о приоритете прекрасного в действительности, их попытки представить его выше прекрасного в искусстве заслуживает внимания лишь с точки зрения признания прекрасного в искусстве вторичным. В подлинных произведениях искусства прекрасное, как и возвышенное, трагическое, комическое, выше, совершеннее аналогичных понятий и суждений эстетического настолько, насколько художественный образ выше и совершеннее непосредственного образа действительности. Но признавая приоритет за прекрасным в искусстве, нельзя в то же время отрывать его от действительности, рассматривать как создание духа или некой абсолютной идеи, как порождение оторванной от реального мира и ничем не связанной с ним фантазии — искусство в таком случае перестает быть самим собой, становится невозможным и утрачивает всякую связь с жизненными функциями и общественными интересами.

¹ А. Пуанкаре. Ценность науки. М., 1936, стр. 99.

К ВОПРОСУ ОБ ОПРЕДЕЛЕНИИ ЭСТЕТИЧЕСКОГО ИДЕАЛА

А. А. Лигачева

В системе категорий эстетики эстетический идеал занимает ведущее место. Объясняется это тем, что эстетический идеал является критерием оценки эстетического отношения к действительности, стержнем эстетического воспитания.

В изучении проблемы эстетического идеала очень многое сделано нашими исследователями. Подверглись глубокому анализу различные аспекты этой категории: гносеологическая и социальная природа идеала, соотношение его с действительностью, история становления. Но многие вопросы еще не выяснены.

В последнее время особое внимание уделяется исследованию идеала в связи с проблемами теории и практики искусства. Такая постановка вопроса в известной степени устраняет существенный пробел в изучении эстетического идеала — некоторое отсутствие взаимосвязи между философами и эстетиками, с одной стороны, искусствоведами — с другой. Философы и эстетики недостаточно исследовали вопрос о выражении эстетического идеала в практике искусства. Искусствоведы же обычно не анализировали теоретические основы этой категории. Недостаточное внимание к категории эстетического идеала, его связи с мировоззрением, творческим методом художника является причиной того, что дискуссии по проблеме искусства и литературы носят иногда схоластический характер и не приводят к правильному решению. Именно такой стала полемика о положительном герое, в ходе которой выявились разные точки зрения о том, каким должен быть герой. Подобные проблемы необходимо связывать с категорией эстетического идеала. Только в этом случае они получают, на наш взгляд, свое правильное решение.

В статье рассматриваются отдельные стороны специфики эстетического идеала и в связи с этим даются некоторые замечания о его понятии.

Слово «идеал» было давно скомпрометировано представителями идеалистической и метафизической философии. Домарксовские философы приписывали идеалу черты иллюзорности, недостижимости, рассматривали идеал только в связи с природным существом человека, утверждая, что человек всегда стремится стать равным божеству. Правильное объяснение идеала стало возможным только на основе марксистско-ленинской теории.

Научно определить суть идеала возможно лишь исходя из общественно-исторической практики человека. В исследовании идеала как категории сознания необходимо выяснить его гносеологическую природу и зависимость от условий социальной жизни.

Идеалы возникают в связи с целеустремленной деятельностью человека. Человек мысленно представляет себе результат своего труда и стремится к его осуществлению. В этом процессе следует подчеркнуть два существенных момента: прежде всего необходимо, как говорил Маркс, отражение природы в мысли человека, глубокое познание человеком действительности. Сознательно изменяя действительность, человек «в том, что дано природой, осуществляет вместе с тем и свою сознательную цель, которая как закон определяет способ и характер его действий. . .»¹. В конце процесса труда получается результат, уже в начале этого процесса имевшийся в представлении работника, т. е. идеально. Затем такой процесс распространяется и на характер поступков человека, его взаимоотношений с людьми, окружающим миром. Любая деятельность людей становится целенаправленной, и идеалы в ней занимают ведущее место.

Между идеалом и практической человеческой деятельностью существует нерасторжимая связь. Это очень важная сторона гносеологической природы идеала.

Оценивая действительность с позиций идеалов, человек стремится к изменению окружающего мира в соответствии со своими потребностями. Поэтому идеалы порождены вечной неудовлетворенностью человека достигнутым, но вместе с тем люди под воздействием идеалов изменяют действительность. М. Горький говорил, что «действительность всегда есть воплощение идеала, и, отрицая, изменяя ее, мы делаем это потому, что идеал, воплощенный нами же в ней, уже не удовлетворяет нас,— мы имеем — создали в воображении другой, лучший»².

Основное содержание категории идеала — это соотношение в нем существующего и желаемого. Существующее и желаемое в идеале составляют единство противоположностей. С утверждением желаемого, т. е. с осуществлением идеала, его место занимают идеалы более совершенные. Этот процесс бесконечен. В идеале происходит постоянное движение вперед, стремление к желаемому. Диалектика развития прогрессивных идеалов заключается в том, что их развитие никогда не прекращается, не исчерпывается до конца, ибо постоянно осуществляется стремление к лучшему. Эти идеалы всегда впереди жизни, диалектика соотношения сущего и должного в идеалах такова, что она обязательно предусматривает устремленность идеалов, переход потенциального в действительное. Передовые идеалы возникают в конкретной общественно-экономической формации и изменяются в зависимости от исторических условий смены формаций. В классовом обществе они имеют классовый партийный характер. Решающее условие активности и действительности прогрессивных идеалов — глубокое убеждение определенного класса или общества в реальности осуществления идеалов.

«Общественные идеалы,— говорил В. И. Ленин,— это формулировка задачи и целей той суровой борьбы общественных классов, которая идет перед нашими глазами в нашем капиталистическом обществе»³. Но передовые идеалы в условиях докоммунистических формаций представляют собой устремленность человечества в светлое будущее, лишь намечая пути достижения этого будущего.

И только с победой Великой Октябрьской социалистической революции принципиально изменилось соотношение идеала и действитель-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 23, изд. 2-е, стр. 189.

² М. Горький. Собрание сочинений в 30 томах, т. 24, ГИХЛ, М., 1953, стр. 226.

³ В. И. Ленин. Соч., т. 1, изд. 4-ое, стр. 371.

ности. Впервые в самой действительности появилась возможность реализовать коммунистический идеал в творчестве народных масс. В. И. Ленин всегда связывал коммунистический идеал с практической задачей переделки общественной природы человека. Именно поэтому так важно в настоящее время, в период коммунистического строительства, исследовать, изучать эту важную категорию философии, ее отдельные аспекты.

Идеал в конкретном проявлении выступает в нескольких аспектах. Различают общественно-политический, нравственный, эстетический и другие идеалы. Каждый из них характеризует освоение, т. е. познание, и затем практическое изменение действительности с определенной стороны.

В общественно-политическом идеале внимание сосредоточено на представлении о совершенном общественном строе, в этическом — на моральных ценностях человека, в эстетическом — на должествующей красоте и эстетическом совершенстве жизни.

Общественный и эстетический идеалы органически взаимосвязаны. В их единстве общественному идеалу принадлежит определяющая, главенствующая роль. Это объясняется тем, что формирование эстетического идеала обусловлено социально-историческими факторами, он изменяется вместе с общественным идеалом в результате смены общественно-экономических формаций.

Сфера влияния общественно-политического идеала на эстетический настолько велика, что в определенной мере они могут совпадать. В коммунистическом идеале наиболее полно проявляется единство социальной и эстетической цели. В идеале коммунизма отражено представление трудящегося человека о самом разумном, самом прекрасном и совершенном в мире общественном строе, обеспечивающем полное удовлетворение материальных и духовных потребностей человека, формирование гармонически развитой личности.

И все же, несмотря на адекватность многих сторон гносеологической и социальной природы эстетического и общественно-политического идеалов, между ними нет полного тождества, поскольку они отражают разные стороны освоения человеком действительности и его стремлений.

Эстетический идеал связан с особым чувственно-эмоциональным отношением человека к действительности. Специфику этого отношения характеризует К. Маркс в работе «К критике политэкономии». Он устанавливает различие между характером теоретического «освоения» мира и художественного. Определяя метод политэкономии как теоретический, при котором «субъект», т. е. общество должно постоянно витать в нашем представлении как предпосылка»¹, Маркс отграничивает его от художественного метода «освоения» действительности. «Целое, как оно представляется в голове, как мыслимое целое, есть продукт мыслящей головы, которая осваивает себе мир единственно возможным для нее способом, отличающимся от художественно-религиозно-практически-духовного освоения этого мира»². Отличие это состоит в том, что художественное «освоение» связано с эмоциональной оценкой действительности с позиций представления человека о прекрасном. Эстетический идеал проявляется в пределах особого чувственно-эмоционального «освоения» действительности. В этом заключается его отличие от общественно-полити-

¹ К. Маркс. К критике политэкономии, Госполитиздат. М., 1951, стр. 214.

² Там же.

ческого идеала. Игнорирование этой важной стороны специфики эстетического идеала приводит к тому, что его определяют как «своеобразное художественное выражение общественно-политического идеала как по содержанию, так и по форме»¹.

Специфику эстетического идеала, например, А. Гвоздарев видит лишь в «художественном выражении» общественно-политического идеала. К такому ошибочному выводу он приходит именно вследствие того, что не учитывает связи эстетического идеала непосредственно с особой чувственно-эмоциональной стороной освоения человеком действительности.

В системе отношений человека к миру эстетическое отношение имеет существенное значение. «Животное, — писал К. Маркс, — формирует материю только сообразно мере и потребности того вида, к которому оно принадлежит, тогда как человек умеет производить по мерам любого вида и всюду умеет прилагать к предмету соответствующую меру; в силу этого человек формирует материю также и по законам красоты»².

В исследовании идеала необходимо учитывать это положение К. Маркса. Прилагая к предмету «соответствующую меру», человек дает определенную оценку тому, что он сделал. Это позволяет ему формировать материю и по «законам красоты», т. е. с позиций своих представлений о прекрасном, эстетических оценок явлений природы, общественной жизни и других областей окружающего мира.

Эстетические оценки находят воплощение в эстетическом идеале, следовательно, последний связан с «освоением» человеком эстетических сторон действительности. Эстетические идеалы, по справедливому замечанию Б. Мейлаха, «выражаются в эстетических оценках действительности одних как прекрасных, других как безобразных, уродливых, отрицательных или же как совмещающих те и другие черты»³.

Сфера действия эстетического идеала необычайно широка. Это затрудняет возможность его определения, которое могло бы включить в себя самые разнообразные аспекты его формирования и проявления.

Наибольшее распространение получили такие определения эстетического идеала: 1) представление о должном как о прекрасном; 2) целостное образное представление о наивысшем совершенстве общества и человека.

Эти определения эстетического идеала, на наш взгляд, нельзя считать неправильными. Первое учитывает специфический характер эстетического идеала, второе — его социальную направленность, но оба они отражают только отдельные стороны идеала, а поэтому их нельзя считать общими определениями. Здесь допускается логическая ошибка: частные, отдельные, хотя и, несомненно, важные стороны категории возводятся в ранг общих, универсальных.

Рассмотрим определение идеала как представления о должном, как о прекрасном⁴. В этом определении внимание обращено на важную

¹ А. Гвоздарев. Об эстетическом идеале и о прекрасном. Сб. «О литературном мастерстве». Ярославль, 1957, стр. 18.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Об искусстве, т. 1, «Искусство», М., 1957, стр. 156.

³ Б. Мейлах. Об эстетических идеалах и эстетической оценке в художественной литературе, в кн. Б. Мейлах. Вопросы литературы и эстетики. Изд-во «Советский писатель», М., 1958, стр. 170.

⁴ Н. Гей, В. Пискунов. Эстетический идеал советской литературы, М., 1961, стр. 10. Т. А. Ермилова. Сб. «Вопросы теории литературы». Горький, 1959, стр. 45 и др.

сторону эстетического идеала — связь его с категорией прекрасного, хотя, как нам кажется, есть опасность отождествления самостоятельных категорий эстетики — прекрасного и эстетического идеала. Именно так и получается у О. Салтаевой: «Категория эстетического идеала по своей сути особенно близка к категории прекрасного. Содержание подлинных эстетических идеалов всегда заключает в себе прекрасное, и коммунистический эстетический идеал представляет собой коммунистический идеал прекрасного»¹.

В другом определении идеала как целостного образного представления о наивысшем совершенстве общества и человека (или как прообраза наивысшего совершенства) выделяется, безусловно, важная грань эстетического идеала — его форма. Сторонники этого определения (О. Лармин, В. Муриан, А. Бараненкова) считают, что специфика эстетического идеала заключается в его образной форме, но особенность содержания этой категории не учитывается.

О. Лармин, определяя эстетический идеал как «целостное конкретно-чувственное представление о тех тенденциях и закономерностях исторического прогресса, которые обуславливают свободное развитие человека»², так объясняет его специфику: «Эстетический идеал (в отличие от общественно-политического или нравственного) всегда конкретно чувственен. Этот идеал может существовать лишь в зримом, наглядном облике»³. Специфика эстетического идеала, по мнению автора, заключается лишь в конкретно-чувственной, наглядной форме его выражения. Но в чем же отличие эстетического идеала от общественного по содержанию? Этот вопрос автор оставляет без внимания.

Сужение границ категории эстетического идеала проявляется и в том, что большинство сторонников рассмотренных выше концепций связывают его с представлением только художника. Так, например, А. Микешин утверждает: «Эстетический идеал — это представление художника о должном как о прекрасном, с позиций которых он изображает и осмысливает все сущее»⁴.

А. Бараненкова характеризует категорию идеала как «результат познания и освоения мира художником, плод его мыслей, чувств, общественного и социального мировоззрения»⁵.

Такой подход к делу неоправданно сужает содержание эстетического идеала, ограничивает сферу его действия только художественным творчеством, отрывает его от практической деятельности людей.

Если считать эстетический идеал монополией художника, то вопрос о формировании у людей эстетического отношения к действительности, о воспитании высоких художественных вкусов, где основой является именно эстетический идеал, не может быть достаточно разработан. Поэтому необходимо определить соотношение идеала как категории эстетики и эстетического идеала художника. Между идеалом как категорией эстетики и эстетическим идеалом художника существует отно-

¹ О. Е. Салтаева. Эстетический идеал в романах М. Шолохова «Тихий Дон» и «Поднятая целина». Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата философских наук. Йошкар-Ола, 1963.

² О. Лармин. Эстетический идеал и современность, Изд-во МГУ, 1964, стр. 59.

³ Там же, стр. 150.

⁴ А. Микешин. Об эстетическом идеале в поэзии С. Есенина, сб. «Из истории советской литературы 20-х годов», Иваново, 1963, стр. 80.

⁵ А. Бараненкова. К вопросу об эстетическом идеале коммунизма. «Известия АН Латвийской ССР», 1964, № 12, стр. 7.

шение целого и части. Эстетический идеал художника — часть идеала как категории эстетики.

Отождествление эстетического идеала как категории и эстетического идеала художника, вероятно, является результатом существовавшего долгое время в нашей специальной литературе сужения границ эстетики. Предметом эстетики считали только искусство. Известно, что еще Гегель определял эстетику как «философию изящного искусства». Объективный идеалист Гегель так объяснял свое определение: «...Этим выражением мы сразу же исключаем из области нашей дисциплины прекрасное в природе», ибо «красота в искусстве стоит выше красоты в природе. Красота в искусстве является красотой, порожденной и вновь порождаемой духом, и насколько дух и его произведения стоят выше природы и ее явлений, настолько так же и красота в искусстве стоит выше красоты в природе»¹.

Тенденция к отождествлению эстетики и искусствоведения сохранялась в нашей специальной литературе длительное время. Но в дальнейшем, особенно после дискуссии о предмете марксистско-ленинской эстетики, организованной в 1956 г. редакцией журнала «Вопросы философии», наметилась тенденция включать в предмет эстетики не только искусство, но и эстетическое в действительности. Этой точки зрения придерживается преобладающее большинство исследователей. Поэтому, сужая границы категории эстетики — эстетического идеала, отождествляя его с идеалом художника, исследователи возвращаются к давно отвергнутому определению эстетики. Этот недостаток приводит к двум существенным, на наш взгляд, ошибкам. Специфика идеала проявляется в его образной конкретно-чувственной форме, — утверждают некоторые авторы. Причину этого они видят в специфическом характере искусства как формы общественного сознания. Именно так объясняет А. Бараненкова особенность эстетического идеала: «Эстетический идеал, находящий свое наиболее образное, зримое, чувственное воплощение в искусстве, имеет свою специфику. Особенность искусства как формы общественного сознания состоит в отражении жизни в конкретно-чувственной форме. Поэтому эстетический идеал в искусстве, являясь воплощением совершенного, прекрасного, всегда выступает в конкретно-чувственной, осязаемой форме. В этом заключается его отличие от нравственного, политического идеалов вообще, которые могут существовать или находить свое выражение в понятиях, представлениях, поступках людей, труде и т. д.»².

Из этого следует вывод, что вне художественных образов, а значит, и вне искусства эстетический идеал существовать не может. Такая точка зрения представляется неверной.

Бесспорна взаимосвязь категории эстетического идеала и эстетического идеала художника. Действительно, эстетический идеал воплощается художником в конкретно-чувственную, осязаемую форму, находит в художественном акте свое наиболее полное отражение, но следует учитывать существование эстетического идеала до его воплощения в искусстве и независимо от последнего.

Игнорирование необходимости такого разграничения является существенной методологической ошибкой, которая препятствует правильному определению специфики эстетического идеала.

¹ Гегель. Сочинения, М., 1938, т. 12, стр. 1—2.

² А. Бараненкова. К вопросу об эстетическом идеале коммунизма. «Известия АН Латвийской ССР», 1964, № 12, стр. 6.

Итак, специфика эстетического идеала заключается в том, что он связан с особым, чувственно-эмоциональным эстетическим отношением человека к действительности и проявляется лишь в пределах этого освоения действительности.

Эстетический идеал, следовательно, есть результат чувственно-эмоционального отношения человека к действительности, совокупность представлений о совершенстве личности, общества и окружающей человека действительности с точки зрения его понятий о прекрасном.

К КРИТИКЕ СУБЪЕКТИВНО-ИДЕАЛИСТИЧЕСКОГО ИСТОЛКОВАНИЯ СОДЕРЖАНИЯ ЛИТЕРАТУРЫ В ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКОЙ ЭСТЕТИКЕ

Н. М. Матвиенко

В современной эстетике все более актуальным становится вопрос о сущности литературы и ее роли в жизни общества. В зависимости от определения, чем является литература — отражением реальности в сознании или только выражением субъективности самого писателя, представляет ли она форму общественного сознания и практики или результат проявления мистической сущности человеческого сознания, — получает то или иное направление и сама литературная практика.

В свете ленинской теории отражения литература представляет собой одну из форм познания действительности человеком; в соответствии с этим содержание литературы является результатом отражения в сознании в художественно-образной словесной форме объективной реальности.

Цель литературы, как и любой другой формы познания, — верно воспроизвести объективную действительность, с тем чтобы практически воздействовать на нее, подчиняя ее нуждам и потребностям жизни общества.

Для литературы, поскольку она является формой общественного сознания, справедливо положение В. И. Ленина об объективном характере содержания истинного познания и бесконечности процесса углубления познания действительности.

В ходе исторического развития познания средствами литературы происходит изменение самих средств и форм отражения действительности в литературе. Все своеобразие этих средств и форм отражения действительности, однако, не обособляет литературу от других форм общественного сознания, с которыми она имеет общую познавательную природу.

Эстетические теории литературы, основывающиеся на феноменологической теории познания Гуссерля, отрицают отражательную природу содержания литературы, представляя его как явление только субъективного порядка, возникающее вне всякой обусловленности его объективной реальностью. Такое субъективно-идеалистическое извращение природы содержания литературы происходит в силу того, что представители феноменологической эстетики — Ж. П. Сартр, Р. Ингарден, Н. Гартман¹ вводят в эстетику из феноменологической теории познания Гуссерля понятие интенциональности.

¹ J.-P. Sartre. What is literature? Philosophical Library, New York, 1949; Р. Ингарден. Исследования по эстетике, ИЛ, М., 1962; Н. Гартман. Эстетика, ИЛ, М., 1958.

Интенциональность истолковывается в идеалистической философии как специфическое свойство сознания, заключающееся в полагании предмета в мысли, при этом содержание сознания определяется не объективно существующим предметом, а напротив, само сознание обуславливает существование этого предмета как объекта отражения. По сути дела речь идет о творении объекта субъектом. Хотя феноменологическая философия и пытается в данном случае откеститься от субъективного идеализма в трактовке этого явления, стараясь по-своему, оригинально истолковать связь объекта и субъекта, и утверждает, что объект не принадлежит к сфере состояний сознания или вообще состояний нашего «Я», т. е. существует вне нас, однако, с другой стороны, она отрицает «реалистическое», материалистическое решение проблемы. Материализм, с точки зрения феноменологической философии, не может решить проблему соотношения бытия и сознания. Но постулируя неразрывную связь объекта с субъектом, феноменологи тем самым включают его в сознание, идеалистически трактуют соотношение бытия и сознания. Концепции принципиальной координации объекта и субъекта, подобные данной, были давно уже опровергнуты ленинской критикой субъективного идеализма.

Как видно, признание феноменологической философией явления интенциональности в мыслительной деятельности не предполагает реального отношения и деятельности субъекта по отношению к предметам внешнего мира, так как сами эти предметы объявляются неотъемлемой стороной интенционального переживания.

Это идеалистическое заблуждение феноменологической теории познания вытекает из того, что объект как предмет познания всегда соотношен с субъектом, а сознание определенным образом направлено на объект. Однако при этом не учитывается, что в этой зависимости главным является то, что сам субъект познания становится таковым в ходе его предметно-практической деятельности с объектом, который и формирует ту или иную направленность сознания субъекта.

Феноменологическая концепция в эстетике в соответствии с гносеологическими ошибками феноменологии Гуссерля фальсифицирует сущность литературы, одновременно искажая и отражательную природу слова, являющегося материалом литературы, отличающим ее от других видов искусств. Как утверждает Р. Ингарден, функция каждого знака, слова (понятия) обусловлена не характером тех объектов, которые они представляют, а особым актом сознания, совершаемым некоторым субъектом, наделенным сознанием. Поэтому функция обозначения является интенциональной, так как причиной ее служит само сознание. В соответствии с этим содержание произведения литературы, выраженное посредством знаков — слов, определяется интенционально путем так называемой реконструкции видов. Будучи не в состоянии объяснить процесс перехода объективного в субъективное, феноменология выдвигает категорию вида — результат взаимодействия субъекта и объекта. Каждый вид определяется психическими качествами и состоянием субъекта, а также конкретными условиями восприятия объекта. Созданная феноменологической теорией познания категория вида — это реакция на трудности в исследовании процесса познания, а именно процесса непосредственного восприятия объекта. Согласно феноменологии, каждый объект предстает в сознании как ряд видов, отличающихся по характеру отражения в них данного объекта, а затем они в своей совокупности дают суммарный вид этого объекта. Но поскольку виды рассматри-

ваются только как «явления» психики¹, то содержание сознания в этом случае определяется не объектом, а самим субъектом.

Таким образом, содержание произведения литературы является не результатом отражения в специфической словесно-образной форме в сознании объективной реальности, а следствием неких мыслительных операций субъекта, продуктом чистой мысли и воображения.

Р. Ингарден проводит мысль о том, что язык (слова) в конституционном отношении играет в произведении основную роль². Но он игнорирует при этом тот факт, что слово только закрепляет в своем значении какие-то определенные результаты отражения действительности, что сами значения наименований обусловлены существованием объектов отражения. Р. Ингарден верно отмечает, что в значение слов входят, кроме постоянных, переменные компоненты и что в зависимости от контекста содержание одного и того же слова может быть беднее и богаче. Однако, игнорируя отражательную природу слова, он упускает из виду, что тот или иной характер употребления слова, как и сам контекст произведения, зависит от характера отражаемого объекта действительности, и поэтому приходит к идеализму, трактуя предмет литературы, а тем самым и содержание литературного произведения, как результат определенной комбинации слов. *«Предмет, представленный в литературном произведении и являющийся его компонентом, точно такой же по своей емкости, каким обозначает его значение наименование или соответствующего сложного выражения»*³.

Как утверждает Ингарден, писатель оперирует актуализированными суждениями, выраженными в словах, которые содержат интенциональный смысл. Литературное произведение является чисто мыслительным продуктом, так как интенциональную природу имеет не только его содержание — результат деятельности сознания, но и материал литературы — слово. Таким образом, отказывая слову, а вместе с ним и произведению литературы в функции отражения реальной действительности, перенося их в сферу чистой деятельности сознания, Ингарден тем самым превращает произведение литературы в нечто ирреальное.

Ошибочное толкование феноменологической эстетики природы слова приводит и Н. Гартмана к метафизическому разрыву идеального содержания литературы и материального выражения его в словесно-образной форме. Согласно его точке зрения, содержание образа возникает вне слов⁴.

Однако вне слова нет мысли, литературное творчество не существует вне облеченной в слово мысли. Слово является не просто материалом, а содержательной формой литературы. Формирование художественного образа происходит в плане единства идеального содержания мышления и словесной формы его выражения в процессе отражения объективной реальности с той степенью адекватности, которая возможна на данной ступени развития сознания и языка.

Идеалистические ошибки в концепциях литературы Р. Ингардена, Ж. П. Сартра и Н. Гартмана возникают не только в силу искажения природы слова, которое является материалом литературы и определяет специфику ее произведений в отличие от других видов искусства. Оши-

¹ Р. Ингарден. Исследования по эстетике, стр. 29.

² См. Р. Ингарден. Исследования по эстетике, стр. 156.

³ Там же, стр. 54.

⁴ См. Н. Гартман. Эстетика, стр. 32.

бочность этих эстетических концепций вызвана и тем, что в них абсолютизируется творческая сторона духовно-практической деятельности человека и упускается из виду ее обусловленность объективной действительностью. Содержание человеческого сознания постоянно обогащается не только в результате непосредственной отражательной деятельности, но и в ходе оперирования этими, закрепленными в словах, данными уже вне непосредственного контакта с объектами. В том, что человек может оперировать этими словесными знаками без того, чтобы иметь дело с реальными явлениями, заключается относительная самостоятельность творческой деятельности человеческого сознания¹.

Абсолютизируя относительную самостоятельность духовного творчества, феноменологическая эстетика превращает литературу в результат чистой мыслительной практики субъекта вне всякой связи с объективной реальностью. Сартр прямо утверждает, что целью искусства является отражение не реальной действительности, а эмоционального, субъективного мира художника.

Как считает Сартр, роль писателя сводится к посредничеству между действительностью и другими людьми, но сама эта действительность, соответственно онтологической концепции экзистенциализма, обуславливается существованием субъекта. «Когда я очарован ландшафтом, — пишет Сартр, — я знаю очень хорошо, что не я создал его, но я также знаю, что без меня связи, которые установлены перед моими глазами между деревьями, листвой, почвой и травой, не могут существовать вообще. Я знаю, что я не могу дать никакого основания для конечного появления того, что я открываю в ассортименте, наборе оттенков, цветов, и в гармонии форм, и в движениях, создаваемых ветром. Однако это существует, это имеется перед моими глазами, и я могу сделать это *имеется* бытием, только если это бытие уже *имеется*»².

Сартр отказывается дать определенную трактовку этого *имеется*, гипотетически принимая его даже как божественное, общее требование, которое в результате взаимодействия с воспринимающим его субъектом выступает как «частный спектакль», становящийся предметом размышления. Поэтому все его ссылки на основополагающее значение бытия ничего общего не имеют с фактом признания объективной реальности и не спасают от идеализма, поскольку воспринимающий субъект остается решающим фактором, обеспечивающим наличие существующей действительности.

Но содержание литературы не представляет собой отражения даже этой экзистенциалистской действительности, в нем зафиксировано лишь то, что перенесено мечтой, воображением писателя в произведение. Эта фиксация мечтой фактов действительности не является их адекватным отражением, отображением, копированием. Ибо, как пишет Сартр, «все отношения, которые мы устанавливаем, остаются гипотетическими: ни один конец не предлагается нам как императив, поскольку ничто точно не обнаруживается, как оно было задумано Творцом»³. В действительности дело обстоит как раз наоборот, каждое данное явление сознания обуславливается соответствующими объективными причинами. Сартр, признавая, что «наша свобода никогда не может быть названа

¹ См. Л. А. Орбели. Вопросы высшей нервной деятельности. Изд-во АН СССР, М.—Л., 1949, стр. 583.

² J.—P. Sartre. What is literature? стр. 51.

³ Там же, стр. 52.

выступающей над природной красотой», никогда не может быть определяющей действительность, тем не менее делает содержание литературы чистым продуктом свободы, так как из практики художественного творчества в результате деятельности человеческой свободы исключается экзистенциалистская действительность. Ж. П. Сартр считает иллюзией тот факт, что наша свобода определяется существующим в природе порядком. Люди свободны связывать один цвет с другим или третьим, устанавливая связи между деревом и водой, деревом и небом или деревом, водой и небом. Свобода в данном случае руководствуется своим капризом. Природные связи являются для художника ничем иным, как предлогом для мечтаний и размышлений.

Подобно Сартру, Р. Ингарден также мистифицирует содержание литературы, считая его миром особого рода, для которого действительный мир будет лишь своеобразным предлогом. «Литературное произведение понимается как чисто интенциональный продукт субъективных творческих операций автора»¹, — пишет он. Материальное и реальное выражение этого продукта мысли, которое в феноменологической эстетике обозначается термином «бытийная основа», состоит из творческих актов автора, определенных физических предметов — знаков на бумаге, идеальных понятий и идей. Но не это определяет литературное произведение, которое представляет собой особую «сферу действительности»². А в силу этого «... никакое эстетическое рассмотрение какого-либо физического или психического или, наконец, психо-физического реального предмета не может нас привести прямым путем к производству литературного искусства. Для того чтобы получить произведение этого типа, нужно интенционально создать предмет совершенно другого типа, радикальным образом выходящий за пределы всего того, что находится в сфере реального мира»³.

Ошибочность данного утверждения вызвана непониманием закономерностей процесса отражения, а вместе с тем диалектики перехода объективного в субъективное. Идеальность содержания и формы литературы ни в коей мере не тождественна ее материальной, бытийной основе, самому видимому и слышимому тексту произведения. Однако идеальное в литературе не существует вне материальной оболочки слова, речи.

Р. Ингарден выдвигает двухмерную и четырехслойную концепцию литературы, стремясь таким образом определить это сложное явление во всем многообразии⁴. Сами по себе данные идеи, взятые вне субъективно-идеалистической установки феноменологизма Гуссерля, могли бы стать положительным вкладом в теорию литературы со стороны исследования ее структуры и архитектоники. Однако в той форме, как они поданы у Ингардена, эти положения вызывают возражение в связи с тем, что процесс литературного творчества и процесс чтения — процесс конкретизации произведения — он переносит в сферы, выходящие за рамки реальной действительности, в мир интенциональных предметов, которые лишь представлены посредством конкретно данного материального и реального выражения содержания произведения литературы, на основе которого они создаются.

¹ Р. Ингарден. Исследования по эстетике, стр. 156.

² Там же, стр. 158.

³ Там же, стр. 252.

⁴ См. там же, стр. 156.

В некоторых случаях при чтении работы Ингардена может создаться видимость того, что произведение литературы в какой-то мере является результатом отражения действительности. Ингарден, в частности, утверждает, что изображенные в произведении предметы есть кажимость или известного рода отражение модели, копирование ее.

Но дело в том, что под этим подразумевается не отражение реально существующей действительности, а воспроизведение, реконструкция видов действительности. Мир искусства, таким образом, ограничивается кантовским миром феноменов. Сами реконструированные виды, как уже говорилось, представляют интенционально предмет мысли и воображения. Так у Ингардена, как и у Сартра, литературное произведение становится чистым продуктом мышления, отражающим и воспроизводящим лишь результаты мыслительной деятельности субъекта. Этим замыкается субъективно-идеалистический круг эстетической теории Р. Ингардена.

В своей трактовке сущности искусства Н. Гартман по существу не расходится в Сартром и Ингарденом. Природа эстетического объекта трактуется как проявление ирреального в реальном, как обнаружение ирреального на фоне реального. Содержание произведения литературы предстает как нечто мистическое. «Действие художника-творца есть удаление от действительности, потеря реальности, ... ему нужно только представить ирреальное как таковое наблюдающему. Реальное нужно ему для этого только как соединяющий член, в котором может явиться ирреальное»¹.

На позиции субъективного идеализма феноменологическая эстетика приходит в результате свойственного еще кантианству непонимания процесса познания сущности в явлении и того факта, что в форме видимости, кажимости отражены явления объективной реальности.

Мир искусства с точки зрения ленинской теории отражения — это мир проявления сущности действительности в художественном произведении. Явление действительности в произведении искусства в данном случае следует понимать как результат диалектического взаимодействия объекта и субъекта в практике художественного отражения действительности. В этом взаимодействии решающим является объект отражения. Феноменологическая эстетика переносит центр тяжести на субъект, по сути дела повторяя Канта. Подобно Канту, сторонники этой субъективно-идеалистической эстетической концепции останавливаются на явлении, относя все выражения его сущности к творчеству субъекта. Но еще Гегель, критикуя Канта, утверждал, что мысли суть не только наши мысли, а вместе с тем и сущность вещей и всего того, что служит для нас предметом восприятия.

Возможность превращения содержания познания в нечто сверхестественное кроется в самой специфике мышления, в процессе которого человек идеализирует реальность мира. По образному выражению Гегеля, «я» есть как бы плавильная печь, огонь, который пожирает безразличное друг к другу многообразие действительности и сводит его к единству. Однако это единство не некая новая реальность, как считает субъективный идеализм, а отражение объективно существующей действительности в сознании человека. Поэтому содержание литературы — это не интенциональный продукт субъективных творческих операций автора, не реконструкция видов действительности, а результат отражения объек-

¹ Н. Гартман. Эстетика, стр. 64.

тивной действительности в специфической, выраженной в слове, художественно-образной форме.

В ходе этого отражения, «воспринимаемый материал, определяемый посредством всеобщности, *не остается* в своей первоначальной эмпирической форме. В этой деятельности мышления выявляется внутреннее *содержание* воспринимаемого, причем удаляется и подвергается *отрицанию* его оболочка»¹. В содержании литературы не только в идеальной форме предстает отражаемая сущность действительности, но и происходит ее преобразование на идеальном уровне. Специфика этих процессов определяет своеобразие литературы как формы общественного сознания и духовно-практической деятельности.

¹ Гегель. Соч., т. 1, Госиздат, М.—Л., 1930, стр. 101.

К ВОПРОСУ ОБ ОБЩЕМ ПОНЯТИИ ЗНАКА

И. Г. Ницевич

Известно, что человеческое мышление не может ни формироваться, ни существовать, ни проявляться не будучи воплощенным в определенные знаки. Известно также, что наибольший успех кибернетики наблюдается там, где имеются достаточно разработанные знаковые системы. В теории познания поэтому все большую актуальность приобретает проблема знака, системы знаков, их взаимодействия и т. д. Это выдвигается также самой внутренней логикой развития науки.

Со стороны формы знание выступает как совокупность различных знаков: языковых, математических, физических, химических и т. п., что особенно ярко обнаружилось с развитием кибернетики и теории информации, которая оперирует различными знаками и знаковыми системами, выступающими в виде кодов сообщений, сведений, данных, показателей и т. п. Можно, таким образом, утверждать, что человеческое знание в этом плане представляет собой совокупность различных знаков, а знак является элементарной формой бытия знания.

Складывается наука о знаках — семиотика, которая изучает общие закономерности возникновения и функционирования в обществе различных знаков и знаковых систем. С развитием этой молодой науки встают и общие, мировоззренческие и методологические проблемы природы знака, значения, соотношения знака и значения, классификации знаков и многие другие. Поскольку семиотика занимается изучением знаков и знаковых систем вообще, постольку встает необходимость дать определение знака, значения и т. д. и вскрыть природу этих понятий, а также выяснить взаимоотношение между ними. Представляется, что решить эту задачу можно не в самой семиотике, а за ее пределами, в области гносеологии. Это тем более необходимо, так как высказываются мысли, будто семиотика, как новая ступень в развитии науки о человеческом знании, заменит и теорию познания.

В настоящей статье сделана попытка, в порядке постановки вопроса, наметить некоторые узловые пункты решения проблемы знака и значения. Исходной категорией представляется нам категория «знак». Однако, раз это простейшая категория, то и определение ее также должно быть простейшим. Рассмотрим некоторые определения.

«Философская энциклопедия»: «Знак — материальный чувственно воспринимаемый предмет (явление, событие, действие), выступающий в познании и общении людей в качестве представителя некоторого предмета или предметов, свойства или отношения предметов и используемый для приобретения, хранения, преобразования и передачи сообщений (информации, знаний) или компонентов сообщений какого-либо рода»¹.

¹ Философская энциклопедия, т. 2, 1962, стр. 177.

Л. О. Резников: «Знак есть материальный чувственно воспринимаемый предмет (явление, действие), выступающий в процессах познания и общения в качестве представителя (заменителя) другого предмета (предметов) и используемый для получения, хранения, преобразования и передачи информации о нем»¹.

Из этих определений следует, что основанием отнесения предмета к знакам служит признак — выступать представителем другого предмета. Но если категорию «явление» рассматривать как представителя сущности, то явление также подходит под определение знака, потому что в существующих классификациях к знакам относят как искусственные знаки (созданные людьми или возникшие в обществе), так и естественные знаки (признаки), например, дым — признак огня, жар или озноб у человека — симптом болезни и т. п.² Короче говоря, все природные явления, уже известные человеку, относятся к категории знаков. Такое определение знака представляется нам шире содержания данного понятия, но об этом ниже.

Несколько отличается от рассмотренных определение знака, которое дает А. Шафф: «Всякий материальный предмет, его свойство или реальное явление становятся знаком, если они в коммуникативном процессе служат в рамках принятого собеседниками языка для передачи какой-нибудь мысли о действительности, то есть о внешнем мире или внутренних переживаниях (эмоциональных, эстетических, волевых и т. п.) какой-нибудь из общающихся сторон»³. Отметим в этом определении следующее: классифицируя знаки, автор делит их сначала на искусственные и естественные, а искусственные далее делятся на языковые и неязыковые. Таким образом, понятие знака в классификации выступает шире понятия языка. В определении же знака последний подводится под категорию «язык» как более общую⁴.

Вообще вопрос о соотношении классификации знаков с общим понятием о знаке очень сложный, и одним из недостатков существующих классификаций является то, что в них не принимается во внимание принцип развития. Если учесть, что искусственные знаки возникают в обществе, а общество — продукт исторического развития, то станет ясным, что располагать рядом естественные знаки (признаки) и искусственные знаки неправомерно, ибо такая постановка не содержит в себе возможности исследовать процесс развития искусственных знаков.

В рассмотренных определениях, с нашей точки зрения, не достигнуто простейших дефиниций. Вероятно потому, что авторы не ставили перед собою такой задачи, однако данные определения не могут считаться простейшими, так как в них включены более конкретные категории: «общение», «познание», «сообщения», «знания», «связь», «информация», которые должны быть выведены из абстракции «знак». А они уже предполагают ее существование. Действительно, познание есть формирование знания, складывающегося на основе определенных знаков,

¹ Л. О. Резников. Гносеологические вопросы семиотики. Изд-во Ленингр. ун-та, 1964, стр. 9.

² См. Л. О. Резников. Гносеологические вопросы семиотики, стр. 36. А. Шафф. Введение в семантику. Изд-во иностр. л-ры, М., 1963, стр. 186.

³ А. Шафф. Введение в семантику, стр. 184.

⁴ На логическую трудность, с которой сталкивается А. Шафф при определении знака и применении этого определения для классификации знаков, указывает В. А. Звегинцев во вступительной статье к цитируемой работе польского философа.

передача сообщений, информации также есть передача знаков, да и общение людей включает в себя использование языковых и других знаков. Таким образом, в этих определениях уже предполагается наличие знаков и знаковых систем. Необходимо же найти такое простейшее определение знака, которое не включало бы, не содержало бы в себе, пусть и в неявном виде, знака.

По нашему мнению, методологически правильный подход к решению проблемы знака и значения, в поставленном аспекте, намечает Ф. Т. Михайлов в работе «Загадка человеческого Я»¹. Хотя его книга рассчитана на массового читателя, популярность изложения не умаляет ее главного достоинства — научного подхода к проблеме.

То, что было первым исторически, должно быть первым и логически. Исторически первым было дело, действие, отношение человека. Что же представляет собою это действие? Это есть действие, направленное на изготовление орудий труда, или, другими словами, труд, назначающий предметы природы служить средством передачи человеческого действия; последнее передается как природе (труд), так и другим людям (общение). В рассмотренных определениях отмечается, что знак есть предмет, выступающий в качестве представителя, заместителя чего-то другого. В таком случае уже палка или камень в трудовой деятельности первобытного человека выступает продолжением, а значит представителем и заместителем действующей руки; но точно также и ветка дерева, сломленная охотником, выступает орудием передачи человеческого действия другим людям, средством связи и также заместителем другого действия. Отсюда вытекает наиболее простое определение знака, которое представляется следующим: вещь, предмет назначенный, приспособленный для передачи какого-либо человеческого действия, есть знак. Под это определение подходит все созданное людьми для передачи человеческого действия, отношения. Сюда относятся не только все знаки существующих средств общения и познания, но и все орудия труда, причем именно орудия труда являются одновременно также орудиями и средствами социальной связи. Все другие социальные связи и их средства производны в конечном счете от производственных связей, где основной служат орудия труда.

Ф. Т. Михайлов пишет об этом следующее: «Орудия и предметы труда, а также и все остальные создаваемые в процессе труда объективные факторы, объединяющие людей, устанавливающие и обслуживающие их постоянные взаимоотношения друг с другом, — таковы главные материальные средства общения людей. В своей совокупности они и представляют собой «язык реальной жизни», именно язык, то есть определенную знаковую систему... Более того, это единственная знаковая система, не требующая для своего построения какого-либо первоначального языка»².

¹ Ф. Т. Михайлов. Загадка человеческого Я. Госполитиздат, М., 1964.

² Ф. Т. Михайлов. Загадка человеческого Я, стр. 199. Мысль о том, что орудие труда является «материальным прообразом значения» высказана А. П. Леонтьевым (см. Проблемы развития психики, М., 1959, стр. 224), но он рассматривает языковые знаки и их значения. А. Шафф и Л. О. Резников также исследуют языковые и другие знаки и их значения, но они берут только общение и связи (коммуникации) посредством знаков. Что касается непосредственной роли знаков в производстве материальных благ, авторы ограничиваются лишь общим указанием на значение обществу-исторической практики людей в формировании знаков. Поэтому, когда мы говорим, что цитируемые определения не удовлетворяют нас, это означает, что в рассматриваемом нами аспекте авторами вопрос не ставился. Орудия труда как знаки рассматривает Ф. Т. Михайлов в цитируемой работе. Мы же, следуя за Ф. Т. Михайловым, пытаемся исследовать производственные отношения и общение людей вообще в их единстве и взаимодействии, так как формы общения и коммуникативные связи определяются в конечном счете производственными отношениями и источник развития общения и форм связей следует искать в производственных связях и отношениях.

Таким образом, реальная жизнь людей — это основа всех знаков и знаковых систем. Если в рассмотренных определениях основным признаком отнесения вещи к категории знаков является признак выступать в качестве уже как бы готового, данного представителя другого предмета, то мы придерживаемся точки зрения Ф. Т. Михайлова и основанием отнесения предметов к категории знаков считаем их назначение выступать представителями чего-то другого. Поэтому все предметы, которые люди назначают для передачи чего-либо, рассматриваются нами как знаки.

Поскольку, далее, назначают предметы для передачи действия, в процессе деятельности, люди, постольку естественные знаки (признаки) выпадают у нас из категории знаков. Природа ничего и ни для кого не предназначает — это делает человек, да и то лишь на высокой ступени развития. А. Шафф также отмечает, что деление знаков на естественные и искусственные не совсем правомерно, когда говорит, что «естественные знаки (признаки, симптомы) подпадают под общую категорию «знак» и так классифицируются нами, но они принципиально отличаются от всех иных категорий знаков»¹. Однако он делит знаки на естественные и искусственные и приходит к логической трудности, пытаясь установить соотношение между знаком и языком. Нельзя согласиться и с Ф. Т. Михайловым, когда к категории знаков он относит наряду с орудиями труда и предметы труда. Последние суть вещества природы, на которые направлен труд человека, и существуют независимо от знаков, созданных людьми.

Искусственные знаки выступают как своеобразные инструменты познания (орудия труда, языковые, математические и другие знаки), и эти знаки суть материальные формы существования самого мышления; вне этих знаков нет и мышления. Естественные знаки (признаки) — это объект познания, на который направлена человеческая деятельность, труд. В основном вопросе гносеологии искусственные знаки являются вторичными.

Человеческую деятельность, а также продукты и средства этой деятельности нельзя отрывать от действительного субъекта, каким в гносеологии является общество. Все предметы, назначенные людьми для какого-либо действия, рассматриваются нами как знаки. Отсюда все созданные людьми знаки и их функционирование в обществе — это и есть самое общество, находящееся на определенной исторической ступени своего развития. Окружающая людей социальная среда есть как бы продолжение их самих, то же самое можно сказать и о природе, целесообразно преобразуемой обществом. Видимо, в общем никто не станет возражать против того, что в каждой общественно-экономической формации люди используют как унаследованные от прежних, так и присущие только этой формации знаки. Знаки являются устойчивыми материальными образованиями и обладают преемственностью в развитии. Поэтому выявление новых специфических знаков сопряжено с определенными трудностями.

Предназначенность предмета, вещи есть ее особое качество, то, чем в данном случае знак отличается от вещества природы, из которого он создан человеком. Орудия труда, назначенные людьми для удовлетворения своих потребностей, имеют объективное значение для жизни людей, люди создают их исходя из объективных свойств веществ и предметов

¹ А. Шафф. Введение в семантику, стр. 176.

природы. «В орудии труда, в его устройстве — объективное его назначение»¹. «Вовлеченное в практическую деятельность общества вещество природы не теряет и не меняет своей сущности»². Необходимо подчеркнуть, что вещества природы, из которых изготавливаются орудия труда, имеют объективные свойства, и в орудиях труда эти свойства сохраняются, поэтому и орудия труда имеют объективные, от воли и желания людей не зависящие свойства.

Поскольку, далее, знак назначается для передачи жизненно важного, необходимого действия, он что-то означает для людей, играет в их жизни определенную роль, постольку и только постольку знак имеет значение для жизни людей, обладает значением. Но за отношением между знаками находится отношение между людьми, а так как нас интересует общественное отношение людей, кроющееся за знаковыми отношениями, переходим к категории «значение».

В литературе значение определяется по-разному. Наиболее общее определение, как нам представляется, дает Л. О. Резников: «Значение знака — это та информация об обозначаемом предмете, которую он несет. О значении можно сказать, что оно есть воплощенная, фиксированная и выраженная в знаке информация об обозначаемом предмете»³. В «Философской энциклопедии» говорится так: «С точки зрения диалектического материализма, значение выражений естественных и искусственных языков суть средства отражения объективной реальности в сознании людей. . . В самом широком смысле значение языкового выражения — это информация о вещах и их свойствах и отношениях, о явлениях и процессах внешнего мира, устанавливаемая и проверяемая в конечном счете практикой»⁴. А. Шафф пишет: «Если мы определим самым общим образом и без всякой претензии на точность, что значение является именно тем, благодаря чему обычный материальный предмет, качество этого предмета или событие становятся знаком, то есть что значение является элементом знаковой ситуации или процесса коммуникации, то окажется, что мы ни в коей мере не устранили многозначности этого слова, но значительно его ограничились»⁵.

Однако в этих, самых общих определениях не отражено главное в значении — общественное отношение и прежде всего производственное общественное отношение. Вообще проблема категорий значения, вытекающая из знаковых отношений людей, представляется очень сложной, так как она есть проявление определенных общественных отношений. Человек назначает вещь служить средством для достижения цели. Цель определяется объективной необходимостью, объективными потребностями жизни; знак также обладает объективными

¹ Ф. Т. Михайлов. Загадка человеческого Я, стр. 198.

² Там же, стр. 195.

³ Л. О. Резников. Гносеологические вопросы семиотики, стр. 9. Автор дает и другие определения: «Значение знака — это зафиксированное в знаке отражение предмета» (стр. 40), «Значение есть обобщенное отражение действительности, реализующейся в условиях общественной жизни в форме определенных (коммуникативных) отношений» (стр. 31). Мы ограничились указанным определением, так как информация несет обобщенное отражение действительности. Но для того, чтобы отражать действительность в обобщенной форме, человек должен стать в определенное отношение к этой действительности, и нас в данном случае интересует именно это отношение. Вопрос же о том, в какой форме отражается значение в сознании людей, здесь не рассматривается.

⁴ Философская энциклопедия, т. 2, стр. 182.

⁵ А. Шафф. Введение в семантику, стр. 221.

свойствами. Следовательно, знак имеет объективное целевое назначение: в силу объективных человеческих потребностей и объективных свойств знака; субъективная же деятельность дает человеку возможность реализовать в знаке его объективное назначение, удовлетворяющее потребности человека.

Известно, что цель есть идеальное предвидение конечного результата, на достижение которого направлена деятельность, и непосредственный сознательный мотив, направляющий эти действия, — это с одной стороны. С другой же стороны, цель ставится исходя из объективных потребностей людей и определяется потребностями. Поэтому категория значения должна включать в себя не только идеальную цель и конечные материальные результаты деятельности, но и объективные, независимые от воли и желания людей потребности как в постановке цели, так и в ее достижении. Не претендуя на исчерпывающее определение данной категории, мы считаем, что значение — это общественное отношение, удовлетворяющее объективные потребности людей.

Ф. Т. Михайлов так определяет значение: «Цель выступает всегда как значение, смысл нашей деятельности, ее конечный результат, который мы сознательно ожидаем, предвидим, намечаем»¹. Видимо, значение нельзя свести только к цели, намечаемому результату; эта категория должна включать в себя и деятельность для достижения результатов, удовлетворяющих объективные потребности людей. Кроме того, автор не различает категорий «значение» и «смысл», что, как нам представляется, необходимо.

Известно следующее четкое определение значения вещи: «Значение какой-либо вещи есть то, чем она является для общественной практики, зависит от функций, которые она выполняет в деятельности людей. Это значение определяется действительной объективной сущностью вещи, ибо она выполняет лишь те функции, которые определяются ее собственной природой»².

Действительно, значение имеют конкретные вещи (знаки), значения вообще нет, это абстракция, но абстракция разумная, и какие бы четкие определения категории значения не предлагались, они еще не решают проблемы, они только определяют ее, ограничивают круг понятий, подлежащих анализу.

Для предчеловека удовлетворение потребностей с помощью предметов, вещей, было делом случайным, так как, прежде чем искать и приспособлять, назначать для действия палку или камень сознательно, он должен был вначале, в силу условий своего существования, повторять это миллиарды раз инстинктивно, бессознательно. Но это чисто количественное повторение ведет к очень серьезным качественным последствиям. Во-первых, из случайных рефлекторных действий предметами природы действия превращаются в необходимые, где удовлетворение потребности ожидается. Во-вторых, в силу того, что посредством предмета достигается необходимый результат, последний от многократных действий и достижений его закрепляется и существует в инстинкте дикаря как бы независимо от конкретных предметов. Другими словами, в процессе этих предтрудовых действий повторение начинает играть очень важную, мы бы сказали, решающую роль. Различными предметами природы достигаются одинаковые результаты и, наоборот, одним предметом — различ-

¹ Ф. Т. Михайлов. Загадка человеческого Я, стр. 198.

² Философский словарь. М., 1963, стр. 154.

ные результаты. Например, камень, палка, глыба земли и т. п. используются для защиты или нападения в одном случае, или для доставания, добывания пищи — в другом. И эти одинаковые результаты закрепляются в психике — будущем сознании — независимо от индивида, а предметы, действием которых достигается тот или иной результат, начинают выступать уже как нечто случайное по отношению к этому результату. Испытывая определенную жизненную потребность, формирующиеся люди начинают искать предметы, посредством которых можно ее удовлетворить: отламывают ветки, палки, вырывают глыбы земли, подбирают подходящие камни и т. д., они уже *н а з н а ч а ю т* предметы для передачи действия, или, другими словами, начинают производить знаки, имеющие объективное значение. Каждый знак обладает конкретными значениями, но эти значения отражаются в головах людей, приобретают характер значения вообще, абстрактного значения.

Но так как люди действуют, трудятся не в одиночку, а сообща, и, следовательно, общаются между собой, то вопрос о средстве общения уже решен, он вытекает из объективно существующих значений предметов, знаков и знаковых отношений людей. «Орудие становится носителем общественного значения, своего рода понятным «словом», объединяющим людей»¹. Вопрос же о том, в какой конкретной речи будет реализовано и воплощено средство общения, — дело случая (разумеется, имеющего свои исторические причины). История показывает, что эта возможность реализовалась в первую очередь в звуковой речи, и становление национальных языков было вызвано определенными конкретными условиями, изучение которых представляет большой интерес для науки.

В силу необходимости все более широкого общения, а также наличия абстрактного значения становится возможным, далее, переносить значение не только на предметы, знаки, обладающие объективным, так сказать, внутренне присущим им значением, но и на знаки, не имеющие такого значения. Знаки, которыми занимается семиотика, как раз и являются знаками без внутренне присущего им объективного значения. Эти знаки выступают в общественных отношениях людей в знаковых ситуациях лишь как носители, заменители знаков с объективным значением.

Общение посредством знаков, не имеющих внутренне присущего им значения, отнюдь не означает, что они случайны, произвольны и т. п. Хотя элемент случайности в них и содержится, дело обстоит гораздо сложнее — они подчиняются закону знаковой ситуации, т. е. если действительные знаки функционируют в обществе потому, что имеют собственное значение, то семиотические знаки потому имеют значение, что находятся в постоянном обращении, функционировании. Но знаки, лишённые объективного значения, по существу уже являются не знаками в собственном смысле, а лишь отражением действительных знаков, их *с и м в о л а м и*. Поэтому неправомерно говорить о какой-то отдельной категории символов (например, «знамя», «герб» и т. д.), отличающихся от знаков науки (математических, физических, химических и т. д.). Все знаки, не имеющие объективного внутренне присущего им значения, есть символы.

Превращение материальных значений в идеальные, мысленные, на основе речи, происходит не после того, как сложилось общество, а вместе с ним. Это как бы двойственный процесс, где наряду со становлением

¹ Ф. Т. Михайлов. Загадка человеческого Я, стр. 199.

материальной жизни общества, производства и на его базе осуществляется становление речи и мышления. Превращение материальных значений в идеальные выражается в мышлении. С возникновением мышления появляется мир смысла, по-своему еще более сложный и подвижный, чем мир значений. Мысли имеют значение потому, что имеет значение действительность, отраженная в мыслях. Но мысли обладают относительной самостоятельностью, они могут становиться в такие отношения друг к другу, в какие не могут быть поставлены предметы реального мира (фантастические вымыслы и т. п.), поэтому значение мыслей есть отношение их к действительности, а смысл — это отношение мыслей друг к другу в мышлении. Действительно, мир мыслей, смысла более сложен, чем мир значений, хотя первый и порождается последним. Следует, очевидно, признать, что категории значения и смысла не совсем совпадают, язык не может быть сведен только к знакам, и у языковедов есть очень серьезные основания для возражения против такого сведения.

Далее, в рассмотренных определениях знака основным признаком его является то, что это предмет, выступающий в качестве представителя другого предмета и используется для познания и коммуникации. Связь же понимается как передача, хранение, получение, переработка сведений, сообщений, информации. Представляется, что такое конкретное определение не может быть выведено из знаковых отношений непосредственно. Категория связи предполагает в первую очередь наличие объективных социальных связей, где определяющими являются производственные связи, производственные отношения. Лишь по мере развития производства из всех социальных связей и отношений постепенно выделяются в самостоятельную область связи или отношения по передаче сообщений, знаний, информации. С этого момента вопросами связи начинает заниматься специальная категория людей, это становится видом трудовой деятельности и приобретает относительно самостоятельный характер. Своевременность и точность сообщений в свою очередь начинает влиять на производство, которое породило обслуживающую его связь. Возникает функционирование значений объективных знаков через посредство знаков, не имеющих собственного значения (символов), но выступающих в качестве представителей объективных значений действительных знаков.

Знаки и знаковые отношения, являющиеся предметом семиотики, есть материальные, но лишь внешние формы выражения действительных объективных социальных знаковых отношений, основой же существования знаковых средств связи, да и человеческого знания в целом, служат знаки с объективным значением.

Таковы вкратце самые общие моменты, которые вырисовываются при анализе категории знака и знаковых отношений людей. Еще раз подчеркнем, что намеченные здесь некоторые самые общие моменты ни в коем случае не могут претендовать на нечто большее, как только постановку вопроса в его исходном логическом пункте.

О РОЛИ ОТРАЖЕНИЯ В ПРОЦЕССЕ ФОРМИРОВАНИЯ СИСТЕМ

Н. В. Кивенко

Окружающий нас мир, взаимосвязанные и взаимодействующие материальные объекты представляют собой системы, различные по уровню организации материальные образования. Система, целое, может быть определено как «комплекс элементов, находящихся во взаимодействии»¹. Однако не всякая система является целым, т. е. таким материальным образованием, свойства которого, обусловленные взаимодействием частей, не сводятся к сумме свойств последних, а приобретают, по сравнению с ними, новые качественные характеристики. Этим признаком не обладают суммативные системы². Взаимодействие частей суммативной системы носит столь незначительный характер, что не приводит к взаимному преобразованию частей. Поэтому взаимодействие частей суммативной системы есть суммирование действий каждого из частей, а свойства такой системы — лишь сумма свойств этих частей.

Исходя из того, что движение — это способ существования материи, что только в движении обнаруживаются свойства тел, и природа движущихся тел вытекает из форм движения³, а также из факта неразрывного единства между спецификой материального носителя и спецификой формы движения как способа его существования, мы представляем, что все целостные системы, в зависимости от характера, типа взаимодействия частей, можно разделить на несколько основных видов: механический, физический, химический, биологический и социальный. В свою очередь каждый вид целого может иметь множество разновидностей — таких систем, характер, способ взаимодействия частей которых определяет их принадлежность к этому виду целого.

Основным признаком, главным условием существования целого является наличие у него специфической структуры, которая представляет собой способ связи элементов системы между собой⁴. Ф. Энгельс писал, что мир — это единая система⁵, где все тела находятся во взаимосвязи, а значит, они воздействуют друг на друга, и это их взаимное воздействие друг на друга и есть именно движение⁶. На основе универсального взаимодействия материальных объектов складывается структура материального мира. Все конкретные системы иные структуры являются произ-

¹ Problems of Life. An Evolution of Modern Biological and Scientific Thought. L. von Bertalanffy. New York, 1952, p. 199.

² См. В. Г. Афанасьев. Проблема целостности в философии и биологии. Изд-во «Мысль», М., 1964, стр. 8.

³ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, Госполитиздат, М., 1961, стр. 563.

⁴ См. В. И. Свидерский. Некоторые особенности развития в объективном мире. Изд-во ЛГУ, 1964, стр. 5.

⁵ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, стр. 630.

⁶ См. там же, стр. 329.

водными от этой бесконечной во времени и пространстве системы, ее структуры. Поэтому наряду со специфическими элементами структур любых систем у всех у них имеются общие черты принципа построения, и если проследить процесс формирования систем все более сложных порядков, то обнаруживается преемственность их внутреннего строения. Это особенно ясно видно на примере систем, способ существования которых определяет их принадлежность к одному и тому же виду движения материи; наблюдаются не только общие черты принципа построения, но и общие специфические элементы систем, обуславливающие характер их функционирования и направление развития.

На эту сторону формирования биологических систем обращают внимание многие исследователи. Так, сначала Сцент-Дьерди, а вслед за ним Дж. Уолд¹ отметили, что любая биологическая система, базируясь на тех химических элементах, которые могут быть почерпнуты ею из окружающей среды, использует не любые из них, а лишь вполне определенные. Например, сера и фосфор принимают участие в процессах переноса групп и энергии в биологических системах потому, что их атомы образуют более «открытые» и более слабые связи, чем их предшественники в периодической системе — атомы кислорода и азота, могут иметь более четырех валентных связей и сохраняют характерную для атомов углерода, азота и кислорода способность к образованию кратных связей, которая имеет значение главным образом в термодинамике процессов переноса энергии. Относительно большая длина и малая прочность связей, которые образуют атомы серы и фосфора, обуславливают подвижность структуры и возможность атаки со стороны других молекул, что ведет к реакциям обмена. Биологические системы вообще могут использовать только элементы третьего периода периодической системы элементов, ибо они в наибольшей степени из всех имеющихся в природе элементов обладают свойствами, необходимыми для осуществления процессов переноса групп и энергии.

Кроме того, интересно отметить, что химические вещества и реакции, характерные для первичных живых систем, повторяются, с определенными изменениями, во всем последовательном ряде усложняющихся организмов. Белковая молекула как определяющая часть живой системы проходит в этом эволюционном процессе специфический путь биосинтеза. Ее структура на каждом новом этапе развития, приобретая новые черты, повторяет предшествующую ступень. Более простой и общий тип структуры сменяется более сложным и специализированным. Изучая этот последовательный ряд, мы можем проследить историю возникновения всех биохимических молекул, механизм формирования более сложных организмов, начиная от простейших их предшественников и кончая современными организмами.

Возникновение любой новой, более высокоорганизованной системы, преемственность внутреннего строения в этом последовательном ряде обусловлены движением, развитием материи, ее конкретных форм. Целое образуется из материальных объектов — частей, новый качественный уровень которых определит более высокий качественный уровень целого. Однако качественная характеристика целого зависит не только от природы частей, из которых оно образуется и на основе взаимодействия которых затем функционирует и развивается, а и от того, какие свойства этих материальных объектов — частей проявятся в системе, способе их отно-

¹ См. Горизонты биохимии. Изд-во «Мир», М., 1964, стр. 102.

шений в рамках данного целого, т. е. характер целого зависит от характера, специфики его структуры.

Возникает вопрос: чем определяется характер структуры целого, как складывается эта система отношений частей — элементов? Тут мы непосредственно подходим к вопросу о роли отражения в процессе формирования систем.

Каждая материальная система является подсистемой наиболее общей и сложноорганизованной системы «материальный мир». Характер и направленность ее внутреннего строения обуславливаются соответственно характером, спецификой структуры материального мира. Механизмом, при помощи которого осуществляется этот процесс, служит такое всеобщее для материи свойство, как отражение. Структура любого материального объекта воспроизводит, через бесчисленные опосредования, в специфике своего построения особенности структуры системы «материальный мир», являясь ее изоморфным отражением.

В предыдущей статье¹ мы определяли отражение (взаимоотражение) как процесс возникновения изоморфного отношения между отражающей и отражаемой системами. Взаимодействие представляет собой единый процесс действия одного тела на другое и противодействия последнего. Противодействие же отражающей системы — это совокупность внутренних, структурных изменений системы и внешней ответной реакции ее как проявление вовне отражения. Отсюда отражение, будучи основной, определяющей частью противодействия, есть необходимая, неотъемлемая часть любого взаимодействия, или отражение как всеобщее свойство материи является неотъемлемой, характерной частью любого движения.

В результате развития, формирования системы в процессе ее взаимодействия с окружающей средой складывается специфический, относительно постоянный характер взаимодействия ее определенных частей (элементов) — структура системы. Наличие структуры обеспечивает существование и развитие системы. Относительная же стабильность структуры и ее изменчивость обусловлены внутренними процессами, происходящими в каждой из частей и между ними в процессе взаимодействия системы с окружающей средой. Если характер взаимодействия системы с каким-то определенным фактором среды меняется, то в результате процесса отражения, который является неотъемлемой составной частью любого взаимодействия, возникает изоморфное отношение между изменившейся определенной образом структурой этого процесса взаимодействия и структурой системы, т. е. особенности фактора внешней среды, воздействующего на систему, опосредовано воспроизводятся в определенных изменениях способа взаимодействия частей системы, отражающей это воздействие.

Как отмечает П. К. Анохин, основой формирования и развития живых организмов явились повторяющиеся воздействия на них окружающей внешней среды. «Именно эти воздействия как результат изначальных свойств пространственно-временной структуры неорганического мира обусловили собой всю анатомическую организацию и приспособительные функции первичных живых существ. В этом отношении организация живых существ представляет собой в подлинном смысле слова отражение пространственно-временных параметров их конкретной среды обитания»².

¹ См. Н. В. Кивенко. К вопросу о сущности отражения. Вестник ХГУ, серия философии, № 6, 1965, вып. 1, Изд-во ХГУ.

² «Вопросы философии», 1962, № 7, стр. 101.

Если характер взаимодействия частей изменяется, то соответственно меняется и характер процесса их взаимоотражения. Особый, сложившийся ранее, изоморфизм структур частей заменяется новым изоморфным отношением между ними. Структура каждой части определенным образом и в определенном направлении меняется, она становится соответствующей сложившемуся новому характеру взаимодействия частей системы, т. е. новой структуре системы, а через нее — новому характеру взаимодействия системы с окружающей средой.

В результате непосредственного и опосредованного процесса взаимоотражения между всеми частями системы складывается отношение изоморфизма. Это возникающее структурное, а значит, и функциональное соответствие частей и определяет относительную стабильность структуры, а следовательно, и стабильность, «выживаемость» системы в изменившихся в определенном направлении условиях окружающей среды.

Каждая материальная система является лишь подсистемой — частью системы «материальный мир». Следовательно, между всеми материальными объектами, благодаря всеобщему свойству отражения, должно существовать отношение изоморфизма. На эту сторону материальной действительности обращает внимание Л. Берталанфи, который пишет, что для всех систем материального мира, независимо от их природы, характерны общие принципы организации, что различные материальные системы обнаруживают структурное подобие¹.

Такой же вывод можно сделать и на основании работы И. В. Кузнецова², ибо если существует всеобщая причинная обусловленность явлений, необходимый характер связи между причиной и следствием, отражение структуры причины в структуре следствия, повторяемость структуры в звеньях цепи причинения, а сами эти цепи — «безначальны» и «нескончаемы», то возникновение изоморфизма между структурами разных уровней обусловлено движением самого материального мира.

Действительно, если обратиться к процессу возникновения жизни на нашей планете, то само это явление есть отражение существования совершенно определенных условий, совершенно определенной структуры системы «внешняя среда». Только при наличии огромного количества различных условий — частей этой системы — возможно было появление такой сложноорганизованной системы, как биологическая. Возникновение этих особых условий определило, во-первых, появление тех частей, взаимодействие которых могло привести к формированию органического целого (белки, нуклеиновые кислоты, жиры, углеводы). Во-вторых, характер, способ их взаимосвязи в системе отношений «внешняя среда», благодаря свойству отражения, определил способ взаимосвязи частей первичной биологической системы, т. е. ее первичную структуру, ибо в процессе взаимодействия образующегося органического целого с окружающей средой, в результате отражения, сопровождающего названный процесс, структура этого целого становится изоморфной структуре системы «внешняя среда». Когда, например, в атмосфере Земли отсутствовал свободный кислород, то и обмен веществ первичных живых существ носил анаэробный характер. Когда же появился свободный кислород, живые существа перестроили соответственно свою

¹ Problems of Life. An Evolution of Modern Biological and Scientific Thought L. von Bertalanffy. New York, 1952, p. 199.

² И. В. Кузнецов. Проблема причинности в современной физике. Изд-во АН СССР, М., 1960, гл. I.

организацию, обмен веществ изменился, приобретая специфику аэробного типа.

Качественные и количественные характеристики вещества, из которого образовалась наша планета, строение земной коры определили качественные и количественные характеристики веществ, а также структуру возникших впоследствии атмосферы и гидросферы Земли. Наличие этих химических соединений в атмосфере и гидросфере Земли (CO_2 , CO , HCl , HF , H_2S , N_2 , NH_4Cl , CH_4 ; анионы CO_3^{2-} , F^- , Cl^- , SO_4^{2-} , BO_3^{3-} ; катионы Na^+ , K^+ , Mg^{2+} , Ca^{2+} , Sr^{2+} и др.), их взаимодействие между собой привело к возникновению жизни и определило химический состав и строение биологической системы, характерные для условий Земли¹. Первичная же структура биологических систем явилась решающим фактором дальнейшего развития жизни, формирования структур всех последующих видов организмов. Наличие в доисторическое время на нашей планете в основном 20 определенных аминокислот отразилось, воспроизвелось в таком явлении природы, что из всех имеющихся теперь на Земле аминокислот в химический состав живой материи входят именно те аминокислоты и нуклеотиды, которые были свойственны первичной биологической системе. Особенности строения последней воспроизводились в особенностях строения последующих поколений организмов, вновь возникающее биологическое целое формировалось из вполне определенных частей, система отношений которых, обусловленная природой этих частей, складывалась в процессе взаимодействия, а значит, и взаимоотражения с внешней средой.

Если предположить, что жизнь существует и вне Земли, то, вероятно, у всех живых систем Вселенной могут быть обнаружены общие черты строения и общие элементы структуры, ибо любая из этих систем является и явится производной от единственно универсальной системы «материальный мир».

Однако закономерно и то, что, наряду с общими чертами биологической организации, у каждой из таких систем будут обнаружены и свои специфические особенности строения. Строение биологической системы обусловлено особенностями среды ее обитания, а черты структуры, общие всем видам организмов, формируются в процессе взаимодействия с такими факторами, которые характерны для любой «внешней среды». Особенности структуры системы, воспроизводящие особенности структуры этих факторов, и являются общими чертами в построении любых живых систем. Специфические же элементы структуры возникают у биологических систем в процессе взаимодействия с такими факторами, которые типичны не для всякой, а именно для данной, окружающей систему среды. Особенности структуры этих факторов через взаимодействие (а значит, отражение) с биологической системой воспроизводятся в специфических элементах ее структуры, которые будут характерными именно для данной организации.

Наличие определенных химических элементов на нашей планете определило качественный и количественный состав молекул, который стал необходимым, например, для создания полимеров, используемых при осуществлении ряда жизненных процессов, проведения большого числа химических реакций, хранения генетической информации, т. е. определило общие черты состава, а тем самым и структуры биологических систем на Земле.

¹ См. Возникновение жизни на Земле. Изд-во АН СССР, М., 1959.

На других планетах, где имеются специфические элементы среды, качественно и количественно нехарактерные для условий Земли, состав и строение живых систем должны быть иными. Например, нуклеиновые кислоты, которые играют центральную роль в передаче наследственной информации в биологических системах, существующих на Земле, могут вовсе отсутствовать в организации форм жизни на иных планетах, где их должны будут заменить полимеры другого типа.

Наличие в природе изоморфизма различных структур связано с тем обстоятельством, что сигналы, несущие информацию от одной системы к другой в процессе отражения, являются факторами управления последней. Каждый сигнал, представляя собой тот или иной материальный объект или процесс, запечатлевает в своей структуре, непосредственно или опосредовано, особенности пославшей его системы. Между структурой этой системы и структурой сигнала возникает изоморфное отношение. Затем сигнал, достигнув системы, которая подвергается воздействию, вступает с ней во взаимодействие. Между ними возникает отношение изоморфизма. (Когда между системами в процессе взаимодействия возникает изоморфное отношение, это проявляется в соответствующих изменениях не всей структуры отражающего объекта, а только той части, которая приспособлена к отражению воздействия подобного рода систем. Другие же части в этом процессе отражения непосредственно не участвуют, ибо приспособлены в результате эволюции данной системы и ее структуры к восприятию действий иных систем. Каждое изменение структуры целого связано с изменением ее одной части под влиянием определенного воздействия и с изменением ее других частей как отражение этого процесса и отражение воздействий иных взаимодействующих с данной систем).

Структура отражающей системы становится подобной структуре сигнала, а через нее и структуре воздействующей системы. Изменения структуры этой системы меняют, в определенной степени и в определенном направлении, ее природу, характер взаимодействия с окружающей средой. Таким образом, поток информации, возникающей при отражении, сопровождающем любое взаимодействие, сигналы, несущие эту информацию, и являются тем механизмом, с помощью которого возникает изоморфизм структур материальных объектов.

Если рассмотреть, например, процесс передачи наследственной информации от одной системы к другой в ходе эволюции организмов, то обнаруживается следующая картина¹. Индивидуальный ген — молекула ДНК, представляя собой единицу наследственности, является сигналом, передающим наследственную информацию от одного организма к другому, возникающему. В структуре ДНК, как в структуре каждого сигнала, запечатлеваются особенности конституции организма, передающего наследственную информацию, и молекула ДНК должна каким-то образом «кодировать» эту информацию. Все молекулы ДНК имеют один и тот же дезоксирибозофосфатный «остов», и различия между молекулами ДНК обусловлены последовательностью, в которой гетероциклические основания располагаются вдоль этого остова. Именно в последовательности этих аминов и заключен код, при помощи которого происходит передача генетической информации.

После этого генетический код передается на второй, следующий за молекулой ДНК, сигнал — молекулы рибонуклеиновой кислоты, матрич-

¹ См. Дж. Холум. Молекулярные основы жизни. Изд-во «Мир», М., 1965, стр. 429.

ной РНК. Молекулы РНК образуются из рибонуклеотидов, которые собираются в определенной последовательности вдоль молекулы ДНК. Эти нуклеотиды «притягиваются» к соответствующим нуклеотидам цепи ДНК водородными связями. В возникающей таким образом молекуле РНК последовательность аминов вдоль цепи определяется последовательностью аминов в молекуле ДНК, на которой она синтезировалась. Так молекула матричной РНК «кодируется» структурой специфического гена, воспроизводя в особенностях своей структуры особенности структуры ДНК. Затем происходит следующий процесс: из всех аминокислот цитоплазмы транспортная РНК «выбирает» совершенно определенную аминокислоту и несет ее к матричной РНК. Транспортные РНК выстраиваются вдоль цепи матричной РНК в определенной последовательности, обусловленной способностью аминов РНК образовывать водородные связи. При этом вдоль матричной РНК последовательно выстраиваются и аминокислоты, доставленные сюда транспортными РНК. После этого между аминокислотами начинается формирование пептидных связей, и в результате образуется белок.

Таким образом, порядок аминокислот в возникшем белке (новой биологической системе), а следовательно, его молекулярная конфигурация зависят от структуры гена — сигнала и тем самым от структуры той биологической системы, которая послала наследственную информацию.

Каждая из систем материального мира состоит из подсистем — частей, и изменение структуры той или иной системы будет, благодаря свойству отражения, воспроизводиться в изменениях структур ее частей. Части также представляют собой системы определенного, менее организованного уровня. Возникшее изменение их структур отразится на характере и направлении взаимодействий уже их частей, а следовательно, на их внутренней природе. Если же учесть, что каждая часть и этих последних систем также является системой, но уже иного уровня организации, то ясно, что подобный процесс — отражение структуры одной из взаимодействующих систем в изменении структуры другой — длится какое-то определенное время только в каждой из систем, но в общем он бесконечен во времени и пространстве, ибо материя неисчерпаема.

Образование новых систем, новых структур необходимо связано с таким всеобщим свойством материи, как отражение. Внутреннее строение любой материальной системы является изоморфным отражением непосредственно и опосредовано связанных и взаимодействующих с ней систем, их структуры, а через них, в конечном счете, структуры системы «материальный мир». Существование этой структурной гармонии обусловлено универсальным взаимодействием объектов материального мира между собой и возникающим на основе и в процессе этого взаимодействия их взаимоотражением.

К ПРОБЛЕМЕ ПРОСТРАНСТВА И ВРЕМЕНИ

И. З. Цехмистро

Актуальнейшим вопросом, равно интересующим и физиков и философов в настоящее время, является вопрос о необходимости изменения наших обычных представлений о пространстве и времени. Мы рассмотрим здесь лишь одну сторону этой большой проблемы, а именно вопрос о том, как далеко (и насколько оправдано) может быть распространено наше представление о протяжении по отношению к целому ряду известных сегодня физических явлений. Все изложенное в настоящей статье представляет собою лишь некоторые гипотетические соображения по затронутой проблеме.

Обычно под протяженностью подразумевается то общепринятое в математике (в связи с известным учением Грассмана о протяженности)¹ и широко распространенное в физике и астрономии понимание этого термина, согласно которому протяженность представляет собой нечто совершенно бескачественное. Основным свойством протяженности считается то, что если из некоторого ее элемента A вытекает путем определенного акта изменения другой элемент B той же природы, то из B путем того же акта изменения можно получить точно такой же по своей природе элемент C , затем D и т. д. Это означает, что признается без каких-либо ограничений справедливость принципа тождественной повторяемости и делимости, согласно которому единица № 1 тождественна № $1 \cdot 10^{100} + 1$ ².

Таким образом, под протяженностью понимается нечто совершенно бескачественное, лишенное субстанциональной природы, выражающее характер отношений и связей сосуществующих предметов и явлений по указанному Грассманом закону. Единственным качеством протяженности, если говорить о собственном качестве протяжения, можно считать качество, выражаемое известной аксиомой Архимеда: каковы бы ни были отрезки A и B , всегда найдется такое число n , что B , будучи деленным на n , будет меньше A : $B/n < A$. Но это качество протяжения вместе с тем составляет и существо его содержания, как это видно из приведенного выше определения протяжения. То, что протяженность производна от отношений сосуществования или порождена ими, ясно видно из относительности длин в теории Эйнштейна. Один и тот же предмет в одно и то же время может иметь несколько самых различных длин в зависи-

¹ H. Grassman. Die Ausdehnungslehre. Berlin. Enslin. 1862; Г. Грассман. Чистая математика и учение о протяженности. Сб. «Новые идеи в математике» № 1, СПб., 1913.

² Г. В. Чефранов. Некоторые вопросы бесконечности пространства и времени. М., 1961, стр. 3.

мости от того, в каких системах отсчета (а значит, и в каких конкретных отношениях) он рассматривается. Длина тела, или в более общем случае сама протяженность, есть результат отношений в мире сосуществующих вещей и предметов.

Однако если протяжение само по себе лишено какой-либо субстанциональной природы и есть лишь выражение определенного характера отношений в связях и последовательности всей совокупности предметов и явлений, то необходимо отметить, что с точки зрения общей теории относительности эта известная организация и порядок всей совокупности сосуществующих материальных объектов — протяжение — осуществляется для них общим всем им гравитационным взаимодействием. Согласно общей теории относительности, пространство немислимо без полей тяготения, и в связи с этим экранировать поле тяготения в пространстве, как это мы, например, можем сделать с электромагнитным полем, невозможно. Это обстоятельство было специально отмечено Эйнштейном в статье «Эфир и принцип относительности»: «Если мы будем с точки зрения гипотезы о существовании эфира рассматривать поле тяготения и электромагнитное поле, то мы заметим между ними замечательную принципиальную разницу. Не может быть пространства, а также и части пространства без потенциалов тяготения, последние сообщают ему размерные (метрические) свойства, без них оно вообще немислимо. Существование поля тяготения непосредственно связано с существованием пространства. Напротив, очень легко представить себе любую часть пространства без электромагнитного поля, в противоположность полю тяготения электромагнитное поле некоторым образом только вторично связано с эфиром, причем внешняя природа электромагнитного поля совершенно не определяется природой поля тяготения»¹.

Этим теоретическим соображениям можно найти также некоторые экспериментальные основания. Н. П. Грушинский и М. У. Сагитов в статье «О наблюдении силы тяжести во время солнечного затмения» на основании проведенных ими наблюдений высказывают сомнение в возможности экранизации силы тяжести: «Во всяком случае можно утверждать, что современная точность гравиметрических приборов и степень устранения или учета помех, по-видимому, недостаточны для обнаружения эффекта экранизации тяжести Солнца во время затмения, если таковая существует...»².

Если стать на ту, последовательную до конца, релятивистскую точку зрения, согласно которой гравитация отождествляется с кривизной пространства, то очевидно, что вопрос об экранизации поля тяготения не имеет много смысла, поскольку нельзя ведь говорить о каком-либо удалении геометрии из самой геометрии, пространства из самого пространства и т. п. По-видимому, гравитация и геометрия, или поле тяготения и пространство, не только тесно связаны и переплетены между собой, но и в некотором смысле есть одно и то же, тождественны друг другу. Особенно яркое развитие этого момента находим мы во взглядах известного польского ученого Леопольда Инфельда и профессора М. Ф. Широкова (Москва).

Теория относительности объяснила кинематику пространственно-временных отношений, показав, как могут ускоряться или замедляться бег времени и укорачиваться или растягиваться длины. Если в соответ-

¹ А. Эйнштейн. Эфир и принцип относительности. Пг., 1922, стр. 24—25.

² Вестник Московского университета, серия физическая, № 5, 1964, стр. 51—53.

ствии с четырехмерным инвариантом теории относительности исходить из понятия абстрактного протяжения, в котором были бы объединены и пространственное протяжение и временная длительность, то можно сказать, что теория относительности дает исчерпывающее объяснение характера, или способа следования элементов протяжения: $1+1+1+\dots$, т. е. замедления и ускорения времени, укорачивания и растяжения длин, искривления траекторий и т. п. Но только ли этим ограничивается здесь теория относительности? Нам представляется, что нет. Действительно, отличие теории относительности от ньютоновских представлений о пространстве и времени состоит не только в том, что она релятивировала жесткое пространство и абсолютный бег времени, сделала их «эластичными». Поскольку эта теория отказалась от абсолютного пространства и времени Ньютона, то она тем самым отказалась и от некоторой безусловной и абсолютной основы в этой цепи единиц, следующих одна за другой, т. е. в ней мы не находим существования какой-либо абсолютной основы, на которой, пусть быстрее или медленнее, сокращающиеся или растягивающиеся, перечисляются единицы протяжения.

Таким образом, само протяжение (а не только характер его) в теории относительности предстает лишенным абсолютного значения. Поскольку нет абсолютного пространства и времени Ньютона, постольку нет и протяжения в качестве чего-то данного изначально, абсолютного. Если протяжение есть выражение определенного характера отношений в связях и последовательности сосуществующих вещей и явлений, то о протяжении можно говорить лишь тогда, когда представляется возможным установить какое-либо имеющее физический смысл соотношение между теми или другими физическими объектами. Например, можно говорить о пространственно-временных отношениях между двумя физическими объектами, обладающими массой покоя, поскольку мы в состоянии их проследить путем обмена световыми сигналами между этими объектами. Но правомерно ли представление о каких-либо пространственно-временных отношениях между двумя волновыми пакетами, не обладающими массой покоя и движущимися со скоростью C ? Установить или проследить какие-либо пространственно-временные отношения между ними мы принципиально не в состоянии, не прибегая к помощи ньютоновского мгновенного «снимка» подобной ситуации. Однако ньютоновский мгновенный «снимок» пространственно-временных отношений и само понятие ньютоновской одновременности не имеют физического смысла и применимы лишь в рамках обыденного опыта, скажем, в масштабах комнаты, где, обозревая одним взглядом всю сложившуюся ситуацию, мы воображаем абсолютную одновременность и мгновенное схватывание, или «фотографирование», всей совокупности пространственно-временных отношений.

Но если говорить о проблематичности установления каких-либо пространственно-временных отношений между волновыми пакетами, не обладающими массой покоя, понимая или представляя их себе при этом в качестве некоторых обособленных физических индивидуумов, между которыми все же, если они суть таковые, должны быть установлены какие-либо имеющие физический смысл отношения, то мы оказываемся в кругу неверных представлений о природе и физической сущности самого поля и его возбуждений, не обладающих массой покоя. И прежде всего ошибочно здесь представление о волновых пакетах, лишенных массы покоя, скажем, фотонах, как о каких-то физических объектах, которым могут быть сопоставлены образы индивидуумов. В действитель-

ности два фотона не есть два индивидуума, а есть одно, оба в одном, или одно в обоих, они оба суть состояния одного, о чем будет сказано ниже. Здесь же необходимо признать не только весьма любопытными, но и, пожалуй, истинными представления Л. Инфельда и М. Ф. Широкова¹, когда они отождествляют гравитационное поле не только с кривизной пространства и времени, но и с самим основанием той или другой геометрии — протяжением, ибо, действительно, представление о протяжении без полей тяготения и при отсутствии масс покоя весьма проблематично. Это отождествление является вполне логичным развитием основных принципов общей теории относительности: гравитация отождествляется не только с кривизной пространства и времени, но и самим протяжением: поскольку нет абсолютной основы пространственно-временных отношений — ньютоновского абсолютного пространства и времени — и нет, следовательно, абсолютного и изначально данного протяжения, постольку и о самом протяжении как выражении определенного характера отношений в связях и последовательности всех сосуществующих предметов и явлений можно говорить лишь при наличии масс покоя и потенциалов тяготения, исходящих от масс покоя, т. е. пространство действительно немислимо без полей тяготения, как это было отмечено Эйнштейном.

Сама возможность отсчета $1 + 1 + 1 + \dots$ и т. д. связана с существованием масс покоя и полей тяготения, исходящих от них и связывающих их. А ведь отсчет, перечисление — это и есть понимаемое в самом абстрактном смысле пространство одного по отношению к другому, т. е. отсчет и перечисление есть понимаемое абстрактно протяжение. В связи с этим рассмотрим такой вопрос: уместно ли в ситуации, лишенной гравитационного поля, представление о протяжении и о самой геометрии собственно.

Говоря о гравитационном поле, мы имеем в виду поле сил, исходящих от масс покоя. Математическое понятие поля, описывающее проявление каких-либо сил по принципу близкодействия (путем перехода от точки к точке), не может быть физически реализовано без масс покоя, ибо нет без них координат или осей отсчета, нет самого поля координат и нет вообще какого-либо отсчета или перехода от точки к точке, имеющего физический смысл. При этом от субквантовомеханического гравитационного поля (о котором можно будет говорить так же, как об электромагнитном фоне, если представления о квантованности гравитационного поля будут доказаны как имеющие реальный смысл) мы отвлекаемся, полагая, что наинизшие энергетические состояния всех известных квантованных полей должны быть рассматриваемы как различные проявления единой физической сущности — материи физического вакуума. Это соображение может быть подтверждено следующим любопытным обстоятельством. Поскольку электромагнитное поле поддается экранизации, мы вправе рассматривать случай пустого пространства, полностью лишенного электромагнитного поля. «...Очень легко, — писал Эйнштейн, — представить себе любую часть пространства без электромагнитного поля...»². Вместе с тем известно, что наинизшая энергия квантового осциллятора равна отнюдь не 0, а $1/2h\nu$, т. е. не может быть пустого пространства, лишенного электромагнитного поля, всегда остается нечто,

¹ См. Философские проблемы теории тяготения Эйнштейна и релятивистской космологии». «Наукова думка», Киев, 1964.

² А. Эйнштейн. Эфир и принцип относительности. Пг., 1922, стр. 24—25.

что называют электромагнитным фоном. Казалось бы, налицо противоречие. Однако противоречия не будет, если принять во внимание, что за $1/2h\nu$ скрывается отнюдь не действительная, уже данная, энергия электромагнитного поля, которая в идеальном случае должна быть полностью выбрана при экранизации, но нечто иное: принципиально неустранимая возможность проявления флуктуаций электромагнитной энергии, т. е. остается некоторая вероятность проявления $h\nu$, и значение этой вероятности всегда больше нуля. Материя физического вакуума в связи с этим представляет собой большую загадку. Чаще всего физики в настоящее время интерпретируют ее как буквально безграничный резервуар еще не родившихся виртуальных частиц, т. е. опять-таки именно как определенную возможность или определенную вероятность проявления известных состояний материи. В реальности же материи физического вакуума при этом сомневаться не приходится. Таким образом, можно лишь сказать, что материя физического вакуума представляет собой столь своеобразную физическую сущность, которая в рамках обычных представлений о материи не может быть как-либо непосредственно выражена, поэтому мы и интерпретируем ее лишь как определенную и принципиально неустранимую возможность полей и частиц. Это означает, вероятно, также и то, что и о субквантовомеханических полях следует говорить именно как о полях лишь постольку, поскольку оправдывается физически всякое математическое понятие поля, т. е. поскольку имеются налицо массы покоя, которыми или с помощью которых «провешиваются» какие-либо координаты и обозначается само поле координат.

Итак, рассмотрим ситуацию, в которой бы отсутствовало гравитационное поле, т. е. отсутствовали бы именно массы покоя, поскольку без масс покоя представление о какой-либо физической реальности математического понятия поля вообще весьма проблематично.

Основанием для рассмотрения такой ситуации могут служить следующие обстоятельства. Надежно установленный факт необратимой эволюции вещества с потерей массы покоя и переходом ее в излучение позволяет допустить в качестве предельного космологического случая полное исчезновение масс покоя в природе. В такой ситуации мы будем иметь материю поля, или физического вакуума и возбуждение состояния ее, скажем, некоторые волновые пакеты, не обладающие массой покоя. Это будет соответствовать известному термодинамическому заключению о характере эволюции Вселенной. Хотя, как замечает Д. А. Франк-Каменецкий, «с одной стороны, гравитирующая система не может находиться в термодинамическом равновесии, с другой стороны, и это еще гораздо важнее, в реальной области Вселенной, окружающей нас, мы фактически наблюдаем необратимое протекание ядерных процессов. Основным из этих процессов является необратимое превращение водорода в гелий, сопряженное с необратимым переходом определенной доли энергии покоя в энергию излучения. Мы не можем в настоящее время указать реального места, где бы протекал обратный процесс перехода гелия в водород и трансформации энергии излучения в энергию покоя. Таким образом, факты неопровержимо свидетельствуют о необратимом характере ядерных процессов в реальной Вселенной. Обратимые термодинамические схемы описывают Вселенную, которая могла бы существовать, но не ту, которая существует на самом деле»¹.

¹ Труды шестого совещания по вопросам космогонии. М., 1959, стр. 240—241.

В конце концов, здесь совершенно неважно, насколько неизбежна такая предельная ситуация для действительного мира. Мы можем допустить ее в качестве своего рода мысленного эксперимента, с тем чтобы иметь возможность рассмотреть, что представляют сами по себе поле, или материя физического вакуума, и волновые пакеты, или возбужденные состояния ее, не обладающие массой покоя, и в какой мере равномерно распространение на них обычных представлений о протяжении, длительности и т. п. Несомненно, что поле является самостоятельной независимой и более глубокой по сравнению с веществом физической сущностью. Уже это позволяет рассматривать его, отвлекаясь от вещественного уровня материи или от тех состояний ее, в которых она характеризуется наличием массы покоя. Мы тем более имеем право представить себе такую, пусть идеальную и предельную, космологическую ситуацию потому, что физики, разрабатывая единую теорию элементарных частиц, начинают именно с поля, в котором массы покоя отсутствуют изначально и вводятся лишь впоследствии.

Итак, если мы имеем материю поля, или физического вакуума, и возбужденные состояния ее, например, некоторые волновые пакеты, не обладающие массой покоя, то спрашивается, уместно ли в такой ситуации представление о гравитационном поле и самом протяжении собственно? Конечно, волновые пакеты, поскольку они обладают тем, что мы называем массой движения, подвержены воздействию гравитационного поля, если оно уже существует, проистекая от масс покоя, но сами волновые пакеты, лишенные массы покоя, не могут установить никакого взаимного силового воздействия между собой через расстояния, так как они движутся с предельно возможными в природе скоростями, и поскольку здесь вообще нет расстояний, ибо в такой ситуации, очевидно, теряет всякий смысл и представление о протяжении. От волнового пакета, не обладающего массой покоя, нет какого-либо физического, имеющего характер силового, перехода к следующему волновому пакету, также лишенному массы покоя, и они, следовательно, не могут стать в ряд $1 + 1 + 1 + \dots$ (тот же образ протяжения, что и последовательный переход от элемента A к B , от B к C , от C к D и т. д.) и не могут образовать ни одну из осей отсчета, как и с каждым из них в отдельности также не может быть связана какая-либо система отсчета. Здесь, следовательно, не может быть осуществлен грассмановский закон протяжения. Что же касается несилового или фонового взаимодействия, известной взаимозависимости волновых пакетов, например, фотонов, родившихся из одной системы и образующих одну систему, то для такого взаимодействия нет расстояний именно в силу его специфики, его особого глобального характера, «мгновенного» действия.

Это можно показать на примере так называемого парадокса Эйнштейна. Пусть две частицы некогда составляли единую систему, состояние которой было точно известно. Если затем система распалась и частицы ушли настолько друг от друга, что между ними уже нет никакого взаимодействия, то законы квантовой механики показывают, что коль скоро система и частицы описываются с помощью ее формализма, то изменение состояния одной частицы обязательно повлияет на состояние другой, более того, оно определит его совершенно однозначно. Этот вывод, являясь непосредственным и необходимым следствием наиболее общих положений квантовой механики, был экспериментально подтвержден в опытах Ву Цзян-Су, которая изучала взаимное соответствие поляризационных свойств двух фотонов, разлетевшихся на макроскопически

большие расстояния от места их совместного образования в результате распада нейтрального пи-мезона. Были предприняты попытки¹ объяснить это явление как типичный эффект нелинейности субквантовомеханического поля: состояние каждой из частиц определяется поведением этого поля в целом, так что малое изменение граничных условий для него вдали от второй корпускулы, вызванное изменением состояния первой частицы, благодаря нелинейности уравнений обуславливает изменение состояния второй. Но замечательно здесь следующее: в случае одновременного изменения состояний обеих частиц оказывается возможной сколь угодно большая скорость распространения возмущений в субквантовомеханическом поле.

Поскольку этот парадокс следует не только из теоретических соображений, но и находит экспериментальное подтверждение, его можно рассматривать как серьезное обстоятельство, ставящее под сомнение применимость понятия протяжения к субквантовомеханическому полю. Можно предположить, что материя субквантовомеханического поля (фоновая материя или материя физического вакуума) характеризуется исключительно некоторой цельностью и глобальностью, некоторой всеобщей тотальностью своих качеств и свойств, и для нее не имеет смысла представление о протяжении, ибо, действительно, о протяжении, понимаемом абстрактно, мы говорим всегда, когда находим возможным выделить какие-либо точки — индивидуумы (или вообще какие-либо различия, которым можно сопоставить точки, линии, множества и другие образы индивидуумов в математике), между которыми можно установить или ввести какие-либо соотношения. Вероятно, протяжение является абстракцией, перенесенной из отношений в корпускулярном уровне материи на материю поля. Поэтому можно сказать, что современная физика микромира подошла к границе, отделяющей дифференцированные состояния материи от прямо противоположного им по своим свойствам и качествам их материального лона — материи физического вакуума, характеризующейся исключительно особой цельностью, некоторой всеобщей тотальностью и глобальностью своих качеств и свойств. И дело не только в том, что полю не может быть дана какая-либо пространственно-геометрическая и одновременно арифметическая характеристика. Более того, любые представления о какой-либо дифференцированности полевой материи, о какой-либо возможности выделить в ней какие-либо точки — индивидуумы или вообще те или иные различия с их последующим перечислением в ряде $1 + 1 + 1 + \dots$ также утрачивают по отношению к полю всякий смысл.

Это подтверждается следующим обстоятельством. Допустим, что можно было бы провести по отношению к полю ряд $1 + 1 + 1 + \dots$ и т. д., т. е. выделить в нем и перечислить те или иные точки — индивидуумы или вообще другие различия, будь это что угодно, не обязательно сантиметры и километры, но любые различия, которым можно сопоставить образы индивидуумов. Ясно, что в таком случае с полем можно было бы связать выделенную систему отсчета, сколь бы своеобразной она ни была, лишь бы она удовлетворяла требованию $1 + 1 + 1 + \dots$, сколь бы сложным в свою очередь не было это следование единиц. Но такое допущение противоречит фундаментальным основаниям теории относительности и есть, очевидно, ложное допущение.

В самом деле, хотя полевая, или фоновая, материя в настоящее время и заняла место эфира в современной физической картине мира,

¹ Давид Бом. См. *Physical Review*, New York, v. 108, 1957, p. 1070.

она существует всегда и всюду и принципиально неустранима из пространства и времени, тем не менее с нею принципиально не может быть связана какая-либо система отсчета и по отношению к ней, следовательно, теряет всякий смысл выделение каких-либо точек — индивидуумов или вообще каких-либо различий с их последующим перечислением в ряде, т. е. по отношению к полю теряет всякий смысл ряд $1 + 1 + 1 + \dots$

Поле, таким образом, есть всюду *о д н о*, и есть именно то состояние материи, которое чуждо всякой дифференцированности и характеризуется исключительно особой цельностью и тотальностью, некоторой особой глобальностью своих качеств и свойств.

Если согласиться с этим допущением, то так называемый парадокс Эйнштейна получает некоторое объяснение: частицы, находясь в едином материальном лоне — материи физического вакуума, или фоновой материи — и будучи ее порождениями, через особые глобальные свойства этой материнской для них физической сущности находятся в особой несиловой, или фоновой, связи и взаимозависимости. Если материя поля есть всюду *о д н о*, то это значит, что изменение граничных условий для поля одной, другой, третьей и т. д. частиц системы находит мгновенный «учет» или отражение через это *о д н о* для всех их сразу. И поэтому мир действительно представляет собою нечто единое целое и связанное, и все частицы в мире находятся в тесной связи и взаимозависимости, электрон действительно связан со всем миром сразу и т. п. Такая картина мира напоминает в известном смысле ньютоновский единый и связный мир. Однако если у Ньютона единство мира и его связность достигались посредством мгновенного *actio in distanz*, связанного с переносом энергии с бесконечно большими скоростями и на бесконечно большие расстояния, то в современной релятивистской картине мира единство мира и его глобальная связность, целостность, может быть достигнута введением представления о несиловом, или фоновом взаимодействии, осуществляющемся также «мгновенно», но без переноса энергии, и также охватывающем весь мир, но без *actio in distanz*, т. е. без действия через расстояния, ибо для фоновой, или полевой, материи нет расстояний, как нет для нее и протяжения.

Отсюда видно, что столь привычные и необходимые в нашем повседневном опыте представления о протяжении нельзя непосредственно и без дополнительного специального исследования переносить на субквантовомеханический уровень материи. Может оказаться так, что применимость категорий протяженного или геометрического в природе связана только с теми уровнями материи, в которых мы находим массы покоя, и в субквантовомеханическом мире представление о протяжении, весьма возможно, вообще утрачивает всякий смысл. Именно это позволило бы преодолеть известные трудности со сколь угодно большими скоростями распространения возмущений в субквантовомеханическом уровне материи. Требование релятивистской инвариантности и проблема расходимостей в современной физике микромира также вынуждают к признанию конечного и не всеобщего характера протяжения в природе, ибо для преодоления этих трудностей мы предполагаем некоторые последние кванты пространства и времени, из которых как бы «вырезаны» само протяжение и длительность.

Итак, необходимо отметить следующее. Независимая от материальных объектов и «равнодушная» к ним, существующая сама по себе, пространственно-временная арена и материальные объекты, уподобляемые изолированным друг от друга индивидуумам (материальная точка, тело

и т. п.), движущимся на этой арене, — вот основная методологическая посылка классической физики, нашедшая блестящее подтверждение в успехах всей современной цивилизации и прежде всего в достигнутом техническом прогрессе. Но тот выход к новому миру физических явлений, который осуществляется в настоящее время, означает, по-видимому, глубокий переворот в способе нашего мышления о мире. Обнаруживается ограниченность того способа мышления, который исходит из предположения о возможности исчерпывающего описания мира путем выделения в нем каких-либо индивидуумов и установления между ними тех или иных отношений, динамических воздействий и т. п. Мы не можем сколь угодно далеко продолжить в микромире наше представление об индивидуальном физическом объекте и окружающей его среде. На известной ступени мы обнаруживаем за этим образом индивидуального объекта собственно самое среду, активно действующую и активно проявляющуюся, и тогда этот индивидуальный физический объект утрачивает значение именно самостоятельного и самодовлеющего индивидуума и оказывается лишь известным проявлением или действием самой среды. Но и наши обычные представления о среде, как об однообразном повторении чего-то все одного и того же, как о какой-то инертной, независимой и отдельной от материальных объектов арене их движения, также оказываются ложными и неприменимыми здесь, ибо эта материальная среда — поле — оказывается активно действующей и становится средоточием всех динамических свойств известных нам состояний материи и, что особенно важно, в силу специфичной для нее глобальности, некоторой особой ее тотальности, приобретает свойства одного. Взаимопроникновение противоположностей — так охарактеризовал бы Гегель эволюцию наших представлений об индивидууме и его среде. Уже отсюда ясно, что современная наука стоит перед колоссальной комплексной проблемой, в которой вопросы математического истолкования и описания, физического понимания и философского осмысления явлений микромира сплетаются в единый узел и не могут быть решены вне связи друг с другом.

К ПРОБЛЕМЕ ОБРАЗА БЕСКОНЕЧНОГО

И. З. Цехмистро

В философской литературе в последнее время весьма оживленно обсуждаются вопросы, связанные с пониманием бесконечного в философии и естествознании, что вызвано прежде всего известным развитием наших представлений о пространстве и времени в релятивистской космологии и в физике микромира. Особую остроту приобретает проблема образа бесконечности. Дело в том, что Гегель почти 150 лет тому назад показал несостоятельность простого и ясного образа бесконечного в виде ряда $1 + 1 + 1 + \dots$, уничтожаясь высмеяв «дурную» бесконечность и убедительно показав, что в таком ряде нет бесконечного, и, более того, что такой ряд принципиально дать не может бесконечного, что бесконечное в таком, называемом бесконечным, «дурном» прогрессе принципиально недостижимо и что в лучшем случае в таком ряде бесконечное имеется лишь как недостижимое.

Классики марксизма, в свою очередь, показали, что с материалистических позиций представления о бесконечном в «дурном» прогрессе точно так же должны быть отвергнуты. Более того, они создали основу современных научных представлений о бесконечном, освободив гегелевскую истинную бесконечность от идеалистических спекуляций и дав столь недостающую ей материалистическую интерпретацию¹.

Наконец, сама математика, откуда заимствовано это представление о бесконечном, весьма категорическим образом высказалась против наивной веры в бесконечное, якобы достижимое на путях $1 + 1 + 1 + \dots$

Кантор, создав теорию множеств, не нашел бесконечного и в так называемых бесконечных множествах. О том, что бесконечное в математике — есть ли это называемый бесконечным ряд L или, также лишь называемое бесконечным, множество M — представляет собою фикцию и только фикцию, лишь необходимую математическую абстракцию, — об этом достаточно убедительно свидетельствует диссертация А. С. Кармина «О диалектико-материалистическом понимании бесконечного» (Ленинград, 1960).

Но если ряд $1 + 1 + 1 + \dots$ не дает бесконечного, то что такое тогда вообще бесконечное? Или: что же является образом истинной (по Гегелю) или реальной (по В. И. Свидерскому)² бесконечности — вот тот вопрос, который сразу же возникает перед нами, едва мы осознали порочность «дурного» прогресса.

¹ Ф. Энгельс. Диалектика природы, 1953, стр. 160, 188—189 и др.

² В. И. Свидерский. Диалектико-материалистическое учение о конечном и бесконечном, в кн. «Философские проблемы теории тяготения Эйнштейна и релятивистской космологии». Тезисы докладов и сообщений на Всесоюзном симпозиуме. Изд-во «Наукова думка», Киев, 1964.

В диалектической философии в полной мере осознано то обстоятельство, что бесконечное именно в силу своей бесконечной природы принципиально не может быть где-либо найдено и показано непосредственно (вот оно!) или вообще как-либо определено, что именно в силу своего всеобщего характера единая и нераздельная бесконечность материальности не может быть как-либо непосредственно определена в онтологическом плане, но может быть понята с помощью образов, раскрывающих и иллюстрирующих ее природу. Определить — это означает ограничить, окончить, выделить и отделить одно от другого и т. п., но бесконечная материальность именно потому и бесконечна, что ей не может быть дано никакого определения в онтологическом плане. Как убедительно показал В. И. Ленин в работе «Материализм и эмпириокритицизм», определение материи возможно лишь гносеологическое. Отсюда ясно также, что мы не можем надеяться получить когда-либо такой образ бесконечного, который давал бы полное и исчерпывающее знание бесконечного в онтологическом плане, чем собственно исчерпывалась бы и сама проблема познания бесконечного. Поэтому, действительно, «проблема бесконечности состоит не в том, насколько Вселенная соответствует нашему понятию бесконечности, а наоборот, в том, насколько наши быстро изменяющиеся представления о бесконечном соответствуют (реальной, действительной) бесконечности Вселенной»¹.

Однако, если порочность «дурной» бесконечности в целом общепризнана, то все же попытки как-то расширить и улучшить наши представления о диалектическом бесконечном, попытки раскрыть и проиллюстрировать его природу с помощью тех или иных образов нередко возвращают нас именно к «дурной» бесконечности, как бы мы не отрекались от нее на словах.

Например, А. С. Есенин-Вольпин полагает, что понятие бесконечного может быть заменено понятием неосуществимого, что вполне приемлемо для целого ряда случаев в естественно-научных рамках картины мира и для естественно-научных целей².

Для путника, вооруженного лишь посохом, расстояние до Солнца мы смело можем принять за бесконечное именно в силу явной неосуществимости для него этой цели. Но ясно, конечно, что в действительности оно отнюдь не является бесконечным, и путник, пересев на ракету, может достигнуть Солнца. Поэтому в философских представлениях о бесконечном с помощью образа неосуществимого мы ничего нового не приобретаем, ибо понятие неосуществимого является только иным наименованием для пресловутой «дурной» бесконечности, которая также неосуществима и в которой бесконечное точно так же имеется лишь как недостижимое.

Эти же по существу представления о бесконечном находим мы и в так называемом физическом понимании бесконечного, согласно которому бесконечным является то, что оказывается достаточно далеким или достаточно близким для данных физических масштабов. Так, например, вся обозримая Вселенная, протяженностью порядка 10^{47} см, по этим представлениям, и есть самое бесконечное по сравнению с радиусом электрона (10^{-13} см)³. Разумеется, для определенных расчетов в чисто инже-

¹ Г. И. Наан. Понятие бесконечности в математике, физике и астрономии. Изд-во «Наука», М., 1965, стр. 38.

² См. Логические исследования. Изд-во АН СССР, М., 1959, стр. 223.

³ С. Т. Мелюхин. Проблема конечного и бесконечного. Изд-во АН СССР, М., 1958, стр. 7, 39.

нерных целях (где мы, в известных случаях, и поверхность стола можем принять за бесконечную), такое представление о бесконечном вполне приемлемо, но именно лишь как физическое или техническое. Однако то, что с этими представлениями о бесконечном мы не уходим от пороков «дурной» бесконечности, — очевидно.

Равным образом ничего мы не достигаем и с помощью такого конкретного бесконечного, которое находит Г. И. Наан в объекте космологии¹. Еще Гегель отметил, что колоссальные масштабы объектов астрономической науки не имеют никакого отношения к бесконечному, и что лишь отношения меры и закона, которые мы познаем в астрономии, суть разумное бесконечное в противоположность неразумной «дурной» бесконечности, столь излюбленной нами в представлениях о колоссальном нагромождении чисел, звезд, галактик и метagalactic².

В. И. Свидерский свои представления о бесконечном иллюстрирует с помощью следующего образа узловой линии мер:

в котором, очевидно, ему удается избежать дурного характера бесконечности, поскольку налицо каждый раз новый, свой особый, специфический рост количественных накоплений (прямая, ломаная, волнистая, пунктирная и т. д.), завершающийся по достижению границ своей меры каждый раз новым перерывом или переломом этого роста и накопления, выходом к новому качеству (треугольник, квадрат, окружность, многоугольник и т. п.)³.

Приведенные образы бесконечного имеют свои положительные стороны. Но в целом в этих представлениях о бесконечном отсутствует отражение важного момента замкнутости в материальном, согласно которому тождественны начало и конец в бесконечном, нет их совпадения. Этот момент замкнутости в бесконечном иллюстрирует то существенное обстоятельство, что находясь в материальном, мы не в состоянии выйти из него или найти и указать что-либо другое, отличное от него, т. е. не материальное. Переходя от одного к другому в этом мире, мы переходим лишь от одного материального к другому материальному и поскольку вся действительность есть материальное (т. е. материя оказывается единственно существующим и вне ее нет ничего), то в силу этого она оказывается замкнутой сама в себе и движение в ней не выводит за ее пределы. Тем самым этот существенный момент всеобъемлющей замкнутости в материальном является лучшим доводом против идеалистических измышлений о каком-либо духовном начале в мире. Общи начало и конец у периферии круга — так в свое время выразил это обстоятельство Гераклит, а вслед за ним, спустя много веков, и Гегель. Эта общность начала и конца в периферии круга призвана иллюстрировать все-

¹ См. «Вопросы философии» 1961, № 6, стр. 165.

² См. Гегель. Соч., Госполитиздат, М., 1955, т. V, стр. 257.

³ В. И. Свидерский. Доклад на Всесоюзном симпозиуме по философским проблемам теории тяготения Эйнштейна и релятивистской космологии. Киев, 1964.

общий характер материальности для всех предметов и явлений реального мира.

В перечисленных образах бесконечного отсутствует также отражение весьма важного момента диалектики бесконечного, согласно которому нет бесконечного и конечного раздельно и вне их отношения. Здесь сохраняется еще разорванность бесконечного и конечного, мы не видим того, что бесконечное есть в каждом из таких своеобразных и переходящих конечных и бесконечно потому, что через них и в них возвращается или приходит к самому себе, а наоборот, бесконечное зачастую предстает лишь как незавершенный ряд или сумма таких конечных и только конечных, хотя бы каждый раз все новых и новых и качественно своеобразных. Но одной лишь незавершенности явно недостаточно для характеристики бесконечного, о чем свидетельствует, в частности, тот кризис в математике, который удалось разрешить лишь с помощью теории множеств, справившейся с трудностями, порожденными незавершенностью бесконечного ряда.

Таким образом, в этих представлениях еще в известной мере сохраняются пороки «дурной» бесконечности, прежде всего разорванность и отчужденность конечного от бесконечного, а вместо замкнутости в бесконечном, согласно которой и в своем другом оно возвращается или приходит к себе, мы имеем незавершенность суммы конечных (хотя бы и разнообразных), где бесконечное присутствует не в большей мере, чем в ряде $1 + 1 + 1 + \dots$. Остановимся поэтому подробнее на гегелевской истинной бесконечности.

Убедившись в бесплодности чисто количественных или числовых определений бесконечности и выяснив, что бесконечное не может быть представлено в виде какой-то сверхвеличины, хотя бы и труднообразимой и сверхгигантской, Гегель отказывается от бесконечного ряда и обращает внимание на то, что бесконечное может быть достигнуто и понято не через простой количественный рост, а через отношение и в отношении.

«Первоначально — пишет он — применяли для изображения истинно математического бесконечного форму ряда, и в новейшее время она опять была вызвана к жизни. Но она для него не необходима. . . , бесконечный ряд содержит в себе дурную бесконечность, так как то, что должно быть выражено рядом, остается должным в отношении, а то, что он выражает, обремененно неисчезающим потусторонним и отлично от того, что должно быть выражено»¹.

Различие между бесконечным рядом, в котором бесконечное остается недостижимым, и конечным выражением — отношением $\frac{2}{7}, \frac{3}{4}$ и т. п. — заключается в том, что «в бесконечном ряду отрицательное находится вне тех его членов, которые имеются налицо, так как они признаются лишь частями численности. Напротив, в конечном выражении, которое есть отношение, отрицательное находится внутри него как определяемость членов отношения друг другом, которая есть возвращение в себя, соотносящееся с собой единство как отрицание (оба члена отношения имеют бытие лишь как моменты) и, следовательно, имеют внутри себя определение бесконечности. Таким образом, обыкновенно так называемая сумма $\frac{2}{7}$, или $\frac{1}{1-a}$, есть на самом деле отношение, и это так называемое конечное выражение есть истинно беско-

¹ Гегель. Соч., т. 5, стр. 281.

нечное выражение. Напротив, бесконечный ряд есть на самом деле сумма, его цель состоит в том, чтобы представить то, что в себе есть отношение, в форме некоторой суммы, и имеющиеся налицо члены ряда имеют бытие как члены не некоторого отношения, а агрегата.

Он, далее, есть скорее конечное выражение, ибо он есть несовершенный агрегат и остается чем-то существенно недостаточным. По тому, что в нем имеется, он есть некоторое определенное количество, но, вместе с тем, меньше того определенного количества, которым он должен быть, а затем и то, чего ему недостает, также есть некоторое определенное количество; эта недостающая часть и есть на самом деле то, что называется в ряде бесконечным только с той формальной стороны, что она есть некоторое недостающее, некоторое небытие; по своему содержанию она есть конечное определенное количество. Только то, что наличествует в ряде, вместе с тем, чего ему недостает, составляет то, что представляет собою дробь, то определенное количество, которым он также должен быть, но которым он не в состоянии быть»¹.

Итак, бесконечный ряд вовсе не дает нам бесконечного, а лишь указывает на него. То, что в нем есть, не есть бесконечное, а лишь конечное; оно бесконечно лишь вместе с тем, чего ему недостает. Однако и то, что ему недостает, не бесконечно, а конечно в силу своей определяемости этим конечным, в силу внешнего своего соотношения с этим конечным. Таким образом, в силу этой разорванности бесконечного, в силу того, что отношение, которым определяется бесконечность, изгоняется вовне, и становится реальным, действительным только конечное, — в силу этого бесконечное становится недостижимым и остается лишь должествованием.

Бесконечное нельзя найти и указать на него или показать его, ибо в сферу нашего познания попадают лишь конечные предметы и явления. И поэтому упреки в адрес Гегеля, что он не дал или не показал такой образ бесконечного, в котором бесконечное дано было бы непосредственно, совершенно беспочвенны, поскольку это заведомо невыполнимое и бессмысленное требование. Нужно до конца осознать, что бесконечное не может быть ни названо, ни указано непосредственно, но может быть понято с помощью образа бесконечного, раскрывающего и иллюстрирующего его природу. Нельзя найти его и сказать: вот бесконечное, ибо в этом мире нет ничего бесконечного среди отдельного, конкретного и определенного, на что можно указать и что можно определить, и лишь потому весь мир в целом образует самое бесконечность, которая не есть ни то, ни другое, ни третье — не есть ни что, но есть все.

Однако в этом мире конечных величин, предметов и явлений есть нечто, что может послужить образом бесконечного, объяснить и проиллюстрировать его природу. Такими образами могут быть окружность — линия, внутри себя загибающаяся, сама к себе возвращающаяся, а также любое отношение взаимопределяющихся величин ($\frac{2}{7}$ или $\frac{3}{4}$ и т. д.), в котором один член отношения есть указание на другой, а последний — определенность первого. Нетрудно видеть, что замкнутая окружность и отношение вроде $\frac{2}{7}$ имеют то общее, что оба одинаковым образом иллюстрируют замкнутость и взаимную определяемость через отрицание в бесконечном. Как окружность невозможно прорвать где-либо и выйти из нее, нельзя найти в ней начало и конец, так и в бесконечном мире материаль-

¹ Гегель. Соч., т. 5, стр. 282.

ности, за что бы мы не взялись и куда бы мы не направились,—мы всюду находим только материальное, которое и в своем другом (например, в сознании) пребывает у себя и возвращается к себе (ибо и сознание в конечном счете также оказывается лишь особым, крайне специфичным проявлением бытия материальности). Невозможно где-либо прорвать круг материальности, который замкнут сам в себе, и выйти к чему-либо, что не было бы опять-таки материальным. Точно так же, как и члены отношения $\frac{2}{7}$, все отдельное, конкретное и определенное в этом мире материальности обусловлено одно другим или одно через другое, через взаимное отрицание или отношение, их разделяющее, определяющее и объединяющее в одном едином и единственном, каким является бесконечность. В отношении $\frac{2}{7}$, следовательно, одно в своем другом пребывает у себя, и тем самым в этой замкнутости достигается подлинно бесконечное, за пределы которого невозможно выйти, которое всюду и везде в своих разнообразных многих — одно и многие которого есть одно и то же.

Суть диалектики бесконечного заключается в том, что нет бесконечного вне его отношения, что бесконечное невозможно понять и объяснить без обращения к образу отношения. И конечное, и бесконечное вне их отношения, вне их взаимной определяемости через обоюдное отрицание, есть ничто, не существуют сами по себе. Точно так же и члены отношения $\frac{dx}{dy}$, $\frac{2}{7}$, $\frac{3}{4}$ имеют смысл лишь в своем отношении. Вне этого отношения dx , dy суть буквально ничто, чистые нули, а 2, 7, 3, 4, взятые отдельно и вне их отношения, приобретают каждое самостоятельный и совсем другой, утвердительный смысл. Но, далее, если конечное указывает на бесконечное как на причину и самую сокровенную истину своего бытия, а бесконечное живет лишь через свои конечные и в них, то и члены любого отношения, те же $\frac{2}{7}$ и $\frac{3}{4}$, взаимно определяют и обуславливают друг друга и содержательны лишь в своем отношении, им и в нем едины и определены. В отношении $\frac{2}{7}$ числитель имеет смысл лишь постольку, поскольку существует знаменатель; двойка имеет смысл лишь постольку, поскольку мы ведем речь о двух седьмых, т. е. лишь постольку, поскольку она соотнесена с другим — с семеркой, ею определена и служит известным ее выражением, как равно и семерка — седьмые части — имеют смысл, лишь постольку указывается или перечисляется их число. Таким образом, нет их, этих седьмых частей, вернее, нет самого понятия «седьмых» или «седьмого» без тех частей, которые перечисляются или указываются числителем. Но ведь именно таково взаимоотношение конечного и бесконечного, и в этом смысле нет более удачного образа бесконечного, чем любое отношение, например, $\frac{2}{7}$, $\frac{3}{4}$ и т.д.

Далее, истинную бесконечность Гегель определяет как «возвращенность в себя, соотношение себя с самим собою». «Истинно бесконечное, — пишет он — состоит в том, что оно в своем другом пребывает у самого себя, или, выражая то же самое как процесс, состоит в том, что оно в своем другом приходит к самому себе»¹.

Нетрудно видеть, что таким единственным, что в своем другом пребывает у самого себя и приходит к самому себе, является самое мате-

¹ Гегель. Соч., т. 5, стр. 161.

риальность, которая поистине всеобъемлюща и вне которой нет ничего. Здесь мы подходим ко второму образу бесконечного у Гегеля — окружности. Если в бесконечном мире материальности, за что бы мы не взяли и куда бы не направились, мы принципиально не можем выйти за пределы материального, и, переходя от одного к другому, мы каждый раз выходим лишь к иному материальному, и именно в этом состоит бесконечность материальности, то можно ли найти какой-либо лучший и более удачный образ, отражающий это обстоятельство, чем окружность, замкнутая линия, двигаясь по которой мы точно так же всецело и полностью остаемся в ней и не можем выйти к другому.

Бесконечная материальность замкнута сама в себе, не имеет ни начала ни конца, и именно потому бесконечна, но ведь такова и окружность как иллюстрация, образ бесконечного: замкнута сама в себе, не имеет ни начала ни конца, и движение в ней не выводит за ее пределы.

Это впервые подметил Гераклит и блестяще использовал Гегель. Имеющиеся же в нашей литературе выступления против этого образа бесконечного основаны на чистом недоразумении и прежде всего на поверхностном и весьма упрощенном представлении о его содержании, когда, например, окружность как образ бесконечного, имеющий у Гегеля исключительно гносеологическое значение (как впрочем и все остальные образы бесконечного), пытаются истолковать и понять чисто непосредственно и в онтологическом плане. А по поводу таких образов бесконечного, как отношение $\frac{2}{7}$ или $\frac{1}{1-a}$, иногда просто выражают недоумение.

Таково вкратце содержание образов бесконечного у Гегеля. Он не только уничтожающе высмеял метафизику «дурной» бесконечности, но и дал лучшее в диалектической философии иллюстрированное, чисто наглядное объяснение черт и свойств подлинного, или истинного, диалектического бесконечного.

Рассмотренные образы бесконечного, как очевидно, имеют гносеологическое¹ значение, т. е. они имеют смысл и уместны прежде всего в философии, как и вообще бесконечным может заниматься только философия. Возможно, именно поэтому нередко говорят, что гегелевское понимание бесконечного ничего не дает непосредственно для естествознания: физике, астрономии и другим конкретным наукам, которые также сталкиваются с проблемой бесконечного, правда, по-своему, и в которых вопрос о том, что же такое бесконечное нередко становится весьма острым. В действительности же это понимание бесконечного именно как гносеологическое дает все для конкретных наук естествознания, все то, к чему они сами приходят, подчас мучительным путем вслепую.

Мы рассмотрели одну сторону гегелевского понимания бесконечного — сторону столь важную для естествознания в методологическом отношении и повсеместно подтверждаемую естествознанием. Суть этого понимания бесконечного была выражена профессором В. И. Свидерским таким образом: ничто конкретное и определенное не может быть бесконечным, ибо и ряд $1+1+1+\dots$ не дает бесконечного.

¹ Это уже отметил Энгельс: «Существует также бесконечное познание... (ту бесконечность, которую вещи не имеют в прогрессе, они имеют в круге). Так, закон о смене форм движения является бесконечным, замыкающимся в себе» (Ф. Энгельс. Диалектика природы, 1953, стр. 189).

Согласно Гегелю, бесконечное состоит не в том, чтобы тянуть все одно и то же (будь это, к примеру, протяжение) все дальше и дальше, подобно ряду $1+1+1+\dots$, а в выходе каждый раз по исчерпанию меры все к новому и новому, но каждое из которых есть в известном смысле одно и то же, а именно материальное, и в этом — замкнутость бесконечного (образом которой, как мы видели, поэтому и является замкнутая окружность), в каждом из которых абсолютная и бесконечная природа материальности возвращается к себе и повторяет себя, нигде и ни в чем не переходя в что-либо другое, отличное от материального, а в любом своем другом остается всегда у себя и соотнесена лишь с собой, в противном случае не была бы она бесконечной, что иллюстрируется другими образами гегелевского бесконечного, образами отношения

$$\frac{2}{7}, \frac{1}{1-a} \text{ и т. п.}$$

Это можно понять на примере с протяжением в современной науке. Если геометрическое в природе оказалось конечным, то выходя к материи физического вакуума, или полевой материи, мы разве выходим к чему-либо принципиально иному, не материальному с философской точки зрения? Разве материя и в этом новом, столь необычном своем качестве или состоянии не повторяет себя как объективную реальность, существующую вне и независимо от нашего сознания, как нечто единственно абсолютное и бесконечное, объективное, реальное, физическое, а не духовное, лежащее в основании мира, сколь бы своеобразной она здесь не была? Разве за пределами протяженного или геометрического мы находим дух или идею и не можем сказать, что материя и в этом своем состоянии приходит или возвращается лишь к самой себе и соотнесена — в самых различных своих качествах и состояниях — лишь с самой собой? И разве действительно можно найти в этом смысле лучшее подтверждение истинной бесконечности материи, чем тот факт, что и за пределами протяженного, лишнего какой-либо геометрической природы, мы находим материю физического вакуума, или полевую материю, которая по современным физическим представлениям становится основой вещественного и, следовательно, геометрического. И на вопрос о том, в чем же бесконечность или что же такое бесконечность, мы можем поэтому ответить словами И. В. Свидерского¹: нет иной бесконечности материи, кроме бесконечности мер, понимаемых в самом широком философском смысле, как самых разнообразных количественно-качественных состояний ее.

Таким образом, дальнейшее развитие материалистического истолкования гегелевской диалектики, намеченного классиками марксизма, весьма актуально и в настоящее время. Этого требуют также задачи современного естествознания. Диалектика материализма торжествует в современной физике, которая продемонстрировала нам предвосхищенную полтора века назад Гегелем «игру» и взаимопревращаемость ее категорий вплоть до наполнения их прямо противоположным содержанием, когда волна стала частицей, а частица — волной. Ту же диалектику, но уже не в гегелевских понятиях, а в действительном и материальном, находим мы сегодня в отношении проблемы бесконечного в современной физике и космологии, когда бесконечность материи обнаруживаем не в неограниченном росте чего-то одного, даже самого протяжен-

¹ В. И. Свидерский. «Вопросы философии» № 6, 1964.

ного в природе, но в отношении и взаимоопределяемости ее разнообразных многих одних: конкретных и конечных самих по себе различных качеств и состояний ее, в каждом из которых каждый раз по-своему продолжается, повторяется и бесконечно вновь восстанавливается через их «прехождение» и конечность одна и та же основа всего существующего — единая и нераздельная, подлинно бесконечная материальность.

СОВРЕМЕННОЕ ПРАВОСЛАВИЕ И СЕМЬЯ

М. М. Копаница

Семейно-бытовые отношения занимают большое место в жизни каждого человека, в жизни общества в целом.

В процессе социалистических преобразований в нашей стране сложилась социалистическая семья, основанная на экономическом равенстве, равноправии во всех областях общественной жизни и идейной общности членов семьи.

Программа КПСС наметила целый ряд мероприятий, выполнение которых в значительной мере улучшит быт советских людей, укрепит семью, создаст благоприятные условия для воспитания детей. В частности, Программа предусматривает постепенный переход к содержанию детей и всех нетрудоспособных за счет общества. Решение этой проблемы обеспечит ликвидацию остатков неравенства женщин в семье, приведет к устранению неравенства, связанного с многосемейностью. Программа КПСС указывает, что при коммунизме «семейные отношения окончательно очистятся от материальных расчетов и будут целиком строиться на чувствах взаимной любви и дружбы»¹.

Современные религии, в частности современное православие, предпринимают попытки приспособить свою идеологию к коммунистической идеологии, в том числе и в области семейных отношений.

Автор не претендует на исчерпывающее освещение вопроса об отношении современного православия к семье. Остановимся только на некоторых моментах этого вопроса.

Известно, что характер семьи, формы брака и родства, отношения в семье и семьи к обществу непосредственно зависят от экономического строя общества, развития производительных сил, изменений характера производственных отношений и других условий существования общества.

Брачно-семейные отношения социально обусловлены и имеют исторический характер. Религия не признает исторического характера этих отношений, связывает их с действием несуществующих сверхъестественных сил, с богом. По учению «священного писания», супружеский брачный союз первоначально установлен самим богом еще в раю через сотворение жены в помощь мужу и через божие благословение. Первоначально освященный в «таинстве» бракосочетания, брачный союз становится образом союза Христа с церковью. Отсюда вытекает традиционное для христианства положение: как церковь повинуется Христу, так и жена должна повиноваться мужу.

¹ Программа КПСС, Госполитиздат, М., 1964, стр. 65.

Подобной точки зрения на брачно-семейные отношения придерживается православие, пытаясь вместе с тем приспособиться к современным условиям. В этом смысле характерна статья И. Богоявленского «Тайна брака», опубликованная в журнале Московской патриархии еще в 1945 г., а также ряд других статей этого официального органа современного русского православия.

Перед современными защитниками религии встала сложная задача: как совместить веками освящаемое неравенство женщины в семье и обществе с действительным положением женщины в социалистической семье и в социалистическом обществе? Христианская религия всегда оскорбительно отзывалась о женщине. Библия признает первенство женщины только в одном — в грехопадении. Догмат о грехопадении, в котором первая роль отводится женщине (Еве) и поныне служит одним из главных «оснований» для унижения женщины со стороны церковников. «Жена да учится в безмолвии, со всякой покорностью, а учить жене не позволяю, ни властвовать над мужем, но быть в безмолвии. Ибо прежде создан Адам, а потом Ева; и не Адам прельщен, но жена, прельстившись, впала в преступление», — так поучает апостол Павел в первом послании к Тимофею. В библии можно найти немало подобных поучений, в которых унижается женщина, а мужчинам советуется «не оскверняться с женами» и т. п.

Современные проповедники религии не любят об этом напоминать верующим. Они даже заявляют, что религия якобы непричастна к прошлым преступлениям против женщины и выставляют себя защитниками женщины. Так, митрополит Николай утверждал, что «в христианстве женщина поднята Основателем его на небывалую высоту»¹. Н. Васильева в статье «Женщина в христианстве» пишет, что все лучшее в женщине — это от христианства².

Но подобные утверждения, как мы уже показали, в определенной мере противоречат духу «священного писания» и, что самое главное, искажают историческую правду. На протяжении двух тысячелетий христианская религия и церковь ничего не сделали для освобождения женщины. Наоборот, они всячески содействовали еще большему порабощению и закреплению ее. Яркое свидетельство этого — история русской православной церкви. В царской России положение женщин было исключительно тяжелым. Женщина не имела паспорта. Без разрешения мужа она не могла поступить на работу. Ее дневной заработок был в два раза меньше заработка мужчины. Если жена уходила от мужа без его согласия, то полиция могла силой вернуть ее. И все это освящалось православной церковью. Гражданский брак без освящения церкви считался недействительным. Совершая «таинство» бракосочетания, священники напоминали женщине: «Жена да убийся мужа своего», «Жены, повинуйтесь мужьям своим, как господу, потому что муж есть глава жены» и т. п. Церковь нередко освящала неравные браки. Священники венчали всех, кого прикажут, за кого заплачено. Это нашло свое отражение во многих произведениях литературы и искусства. Например, в рассказе А. П. Чехова «Анна на шее», в картине В. В. Пукирева «Неравный брак» и т. д. После венчания в церкви брак считался нерушимым. Один из законов Российской империи запрещал брак лиц православного исповедания с нехристианами. За нарушение этого закона следовало заключение в тюрьму и церковное проклятие.

¹ Журнал Московской патриархии (ЖМП), № 2, 1946, стр. 14—15.

² ЖМП, № 3, 1946, стр. 35.

Освобождение женщины, установление ее равноправия в семье и обществе — это не заслуга религии, а величайшее достижение социалистической революции и социалистического строительства. «Советская власть, — говорил В. И. Ленин, — первая и единственная в мире уничтожила полностью все старые, буржуазные, подлые законы, ставящие женщину в неравное положение с мужчиной, дающие привилегии мужчине, например, в области брачного права или в области отношений к детям»¹.

Прямым результатом экономического, политического и юридического раскрепощения женщины явилось взаимное уважение, любовь и равноправие членов социалистической семьи.

Наш народ, советское государство окружает почетом, уважением и всесторонней заботой женщину-мать. Советские женщины активно участвуют в строительстве коммунизма, во всех сферах общественной жизни. Женщины в СССР составляют 53% специалистов с высшим образованием. Около 3 млн. женщин трудится в научных, учебных и культурно-просветительских учреждениях. Около 3 тыс. женщин избрано в Верховные Советы СССР, союзных и автономных республик.

Церковники не могут не учитывать этих изменений. Они, обращаясь к женщине, умалчивают о тех местах «священного писания», где женщина унижается, или по-новому их истолковывают, приспособляя к современным условиям.

И. Богоявленский в статье «Тайна брака» старается смягчить поучение апостола Павла «Жена да убоятся мужа своего», так как это поучение слишком явно принижает женщину, оскорбляет ее достоинство. «В конце своего наставления о браке, — говорит И. Богоявленский, — апостол Павел напоминает мужьям: любить своих жен, как самих себя, а женам «бояться» своих мужей. Здесь слово «бояться» употреблено не в смысле рабского страха, боязни наказания, ибо это и не может иметь места при высокой взаимной любви мужа к жене, а боязнь, какую мы чувствуем, когда опасаемся, как бы не оскорбить любимого человека нашим поступком; это то же, что и добровольное повиновение...»².

Как видим, И. Богоявленский рабское повиновение женщины мужу, освященное библией, подменяет «добровольным повиновением». Формально признавая равенство мужа и жены, он все же считает, что муж имеет «по природе более сильную духовно-физическую организацию», обладает «большей рассудочностью, волевой энергией», а женщина отличается от мужа «энергией пассивности»³.

Это значит, что И. Богоявленский, как и вся современная церковь, не отходит от признания неравенства женщины, освященного религией, а лишь по-новому оправдывает это неравенство.

В религии девство ставится выше супружества. Современные церковники придерживаются такого мнения: «неженатый заботится о Господнем, как угодить Господу, а женатый — о мирском, как угодить жене. Есть разность между замужней и девицей: незамужняя заботится о Господнем, чтобы быть святою телом и духом, а замужняя заботится о мирском, как угодить мужу» (1 Кор., 7, 32—34). Таким образом, религия подавляет в человеке здоровые естественные и духовные потребности человека, именем бога направляет человека на отказ от семейного счастья.

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 30, стр. 346.

² ЖМП, № 4, 1945, стр. 34.

³ Там же, стр. 33.

Коммунистическая мораль утверждает, что супружеские отношения должны быть основаны на чувстве взаимной любви, на взаимном уважении, на взаимопомощи супругов в жизни и в выполнении семейных обязанностей. И если брак сложился неудачно, за мужчиной и женщиной признается равное право на развод, на создание новой семьи.

Религия же поучает: «Что бог сочел, того человек да не разлучает» (Мрк., 10, 9). Современная православная церковь признает возможность расторжения брака только в случае «вины прелюбодеяния» и в том случае, когда неверующий муж принуждает жену отречься от христианства. Епископ Феофан разъяснял, что лучше разойтись, чтобы не допустить «отпадения от веры». Религия требует, что как бы ни была тяжела доля женщины с нелюбимым мужем, она должна кротко и смиренно нести свой брачный крест до конца жизни.

Современные церковники ставят в пример «блаженную» Монику — мать «блаженного» Августина. Она была выдана замуж за жестокого и развратного язычника Парикия. Очень тяжело было ей жить с развратным мужем, но она молилась, была кроткой и смиренной.

Церковь даже оправдывает аморальное поведение верующих и священников в тех случаях, когда необходимо соблюсти какое-нибудь каноническое правило. Вот что рассказывает бывший профессор богословия А. Осипов: «В 1951 г. я вступил во второй брак. Мне пришлось за это испытать немало упреков от фанатиков и установщиков. Находились церковные руководители, которые всерьез говорили: «К чему Вам брак! Живите, с кем хотите. Дело житейское. Вы же не старик. Это Вам простят. Только чтобы все было без шума. Но канонов не нарушайте»¹. И патриарх, руководствуясь, по-видимому, правилом: не допускать «отпадения от веры», разрешил Осипову вступить во второй брак, хотя каноны православной церкви разрешают священнику вступать в брак только один раз.

С точки зрения религии любовь к богу бесконечно выше любви супругов, любви родителей к детям, любви к своим товарищам. Во имя любви к богу человек должен быть готов отказаться от семьи, от детей, от близких. «Если кто приходит ко мне и не возненавидит отца своего, и матери, и жены, и детей, и братьев, и сестер... тот не может быть моим учеником» (Лук, 12, 26). «Не мир пришел я принести, но меч!.. Пришел разделить человека с отцом его, и дочь с матерью, и невесту со свекровью ее. И враги человеку домашние его» (Мтф., 10, 34—36). И, по-видимому, не случайно встречаются у нас факты, когда верующие фанатики во имя бога бросают свою семью, детей. Подобные поступки находят самое суровое осуждение нашей общественности. Советские люди не могут руководствоваться антигуманными заповедями религиозной морали.

Социалистические преобразования в стране изменили не только характер внутрисемейных отношений, но и социальное назначение семьи. Одной из важнейших функций советской семьи является воспроизводство населения и связанная с этим ее воспитательная деятельность. Последняя в свою очередь тесно связана с воспитательной ролью всех общественных организаций, которые прививают детям лучшие нравственные качества: честность, трудолюбие, социалистический гуманизм,

¹ А. А. Осипов. Путь к духовной свободе (рассказ бывшего богослова). М., Госполитиздат, 1960.

патриотизм, интернационализм, коллективизм, веру в себя и в свой коллектив. Этому же учит их вся наша советская действительность.

Большой вред воспитанию детей приносят религиозные пережитки. Нередко еще случается, что дети становятся жертвами религиозного дурмана, которым заражены их родители. Верующие супруги Бородины, жители села Глазатово, Кашинского района Калининской области, в ночь с 18 на 19 апреля 1959 г. совершили преступление, которое вызвало негодование всех советских людей. Чтобы вымолить у бога прощение своих грехов, они принесли в жертву богу восьмилетнего сына Леню. Задушив мальчика полотенцем, они отправились в церковь, чтобы предстать перед «судом божьим». Бородины нашли оправдание своему преступлению в «священном писании», в котором от имени бога дается поучение людям приносить ему в жертву «первенца из сынов твоих» («Исход», 22, 29—30). Религиозные пережитки калечат детей не только и не столько физически, сколько духовно. Религия до сих пор мешает воспитывать детей сознательными строителями новой жизни, разъедает их молодые умы ржавчиной пессимизма, травмирует их психику, унижает их человеческое достоинство. В основе религиозного воспитания детей лежит страх. «Вера, молитва, страх Божий — выше всякого приобретения, — поучал один из авторитетов православия — епископ Феофан. — Их прежде всего должно внедрять в душу дитяти»¹.

Страх ребенка перед несуществующим богом не позволяет ему правильно понимать окружающий мир, истинные причины явлений природы и общественной жизни, тормозит развитие любознательности. Религия освящает физические наказания детей. «Нагибай выю его (дитяти) в юности и сокрушай ребра его, доколе оно молодо», — говорится в Книге премудростей Иисуса — сына Сирахова (XXX, 12). Епископ Феофан писал, что христианские родители еще с младенчества должны приучать детей побеждать собственную волю, не должно забывать смиренного и вместе с тем самого действенного средства исправления — телесного наказания»².

Можно себе представить трагедию тех детей, которые не разделяют религиозных взглядов своих родителей. Их не только физически наказывают. Некоторые верующие родители не пускают детей в школу, моят их голодом, запрещают вступать в пионеры и в комсомол. А ведь не всякий ребенок может смело и мужественно отвергнуть навязываемый ему дурман. В таком случае он может постепенно превратиться в раба несуществующего бога.

Советская семья, школа, вся наша общественность должны ограждать детей от религиозных предрассудков, воспитывать их в духе научного мировоззрения и высокой коммунистической сознательности.

Из сказанного видно, что отношение православия к семье и браку носит антинаучный и антигуманистический характер. Тщетны попытки защитников православия совместить религиозную трактовку семейно-брачных отношений с нашей социалистической действительностью и коммунистической нравственностью. Разоблачение приспособленческих тенденций современного православия в области семейных отношений, борьба за новый быт, за воплощение в жизнь принципов морального кодекса строителя коммунизма несомненно будут способствовать коммунистическому воспитанию трудящихся и укреплению советской семьи.

¹ Еп. Феофан. Начертание Христианского нравоучения, М., 1891, стр. 494—495.

² Там же, стр. 458, 497—498.

**С. С. ШАШКОВ О ВОЗНИКНОВЕНИИ РЕЛИГИИ И ЕЕ
НАЧАЛЬНОЙ СТАДИИ РАЗВИТИЯ**

А. С. Слабкий

Среди передовых мыслителей XIX века, мужественно отстаивавших принцип научно-материалистического миропонимания и активно боровшихся против всех форм и проявлений религиозно-мистических предрассудков, видное место занимает Серафим Серафимович Шашков. В гневной, воинствующей критике религии и клерикализма он продолжает славные атеистические традиции Ломоносова и Радищева, Белинского и Герцена, Чернышевского и Добролюбова, а также французских материалистов-просветителей XVIII в. и Фейербаха.

Атеистическая пропаганда Шашкова, как и другие стороны его литературно-публицистической деятельности, была подчинена революционной борьбе народных масс России против оков царского режима и всех форм эксплуатации и духовного закабаления человека человеком.

Шашков, как и все русские революционные демократы, решительно отрицает теологические басни о вечности религиозных представлений у людей, получившие во второй половине XIX в. широкое распространение на страницах реакционных изданий. Богословы и реакционные буржуазные идеологи отстаивали мысль о том, что религия является каким-то мистическим, врожденным чувством, ниспосланным человеку свыше, результатом «божественного откровения». В частности, богослов А. Загоскин в своей статье «Нейтралитет в деле веры» утверждал, что «религия не есть человеческое мнение или система, а есть дело божье. Всякая религия предлагается не иначе, как от имени бога»¹. Такой же характер носили статьи в «Страннике», «Духовном вестнике», «Домашней беседе», «Православном обозрении», «Мирском слове», «Эпохе» и прочих журналах.

Всем им противостояло революционно-демократическое направление, которое рассматривало религию, как явление историческое, временное, преходящее. Религия, по словам Шашкова, возникла в результате зависимости первобытного человека от окружающей его природы: «...Первобытный дикарь, не имеющий никаких общих идей, неспособный даже «пяти перечесью», не может иметь религиозных представлений, но он так слаб умственно, поставлен в такую зависимость от животных и от неодушевленной природы, что чувство этой зависимости ведет к формированию известных верований и религиозных отношений к природе»².

¹ «Домашняя беседа», 1860, вып. 8, стр. 120.

² «Дело», 1876, № 10, стр. 65.

Аналогичной точки зрения на происхождение религии придерживались и другие революционные демократы. Н. А. Добролюбов считал, что «первые нравственно-религиозные понятия у каждого народа слагаются обыкновенно под влиянием поражающих явлений природы. Необразованный ум, будучи не в состоянии объяснить их путем естественным, вдается в самые нелепые толкования, приписывая все действия какой-то сверхъестественной силе. Вместе с безотчетным страхом возникает мысль о жертвах, как о средствах умиловливания разгневанного божества»¹. Утверждение Н. А. Добролюбова и его единомышленников о том, что страх породил богов, само по себе правильно, но искать причину страха только в невежестве людей — значит пытаться найти источники религиозных представлений в самом сознании человека, а не в материально-производственных условиях жизни общества.

Разделяя мысль Н. А. Добролюбова о том, что страх создал богов, С. С. Шашков делает попытку вскрыть истинные причины, породившие огромную зависимость, беспомощность, а следовательно и проистекающее отсюда чувство страха первобытного человека перед непонятными ему могущественными силами природы. По его мнению, основной причиной такой зависимости первобытного человека от природы является прежде всего малочисленность и крайняя примитивность орудий, которыми он располагал, а также чрезвычайная ограниченность его производственного опыта. «Немного было орудий у первобытного человека и все они были крайне несовершенны,— писал Шашков,— между тем с помощью их он должен был удовлетворять всем своим потребностям: рубить деревья, выдалбливать лодки, вырывать корни, нападать на врагов, убивать зверей, разрезать мясо, прорубать проруби зимой, колоть дрова на топливо и т. д.»².

Шашков утверждал, что, несмотря на бессилие, первобытный человек выжил потому, что он не остановился на уровне каменных орудий. В борьбе с природой наш далекий предок с помощью огня совершает постепенный переход к металлическим орудиям — медным, бронзовым и, наконец, железным, более прочным и усовершенствованным. Одновременно Шашков подчеркивает исключительное значение освоения огня, оказавшего громадное влияние на судьбы человечества. Огонь, писал он, не только защищает человека от холода, увеличивает и улучшает средства питания, служит могучим средством защиты от хищников и насекомых, но, самое главное, помогает ему совершить переход к металлическим орудиям. «Замена деревянных, костяных и каменных орудий металлическими могла совершиться лишь в то время, когда искусство добывания огня и многостороннего приложения его к житейским потребностям стояло уже на довольно высокой ступени развития, сравнительно с первой эпохой жизни человечества. Огонь значительно возвысил человека над животными, доставив ему возможность важных улучшений в своей материальной обстановке и прежде всего в способе приготовления пищи»³.

Шашков указывал, что освоение огня вызвало к жизни новые отрасли хозяйства. Наряду с охотой, скотоводством и земледелием получают развитие гончарное искусство, выплавка металлов, значительно улучшаются жилища, о чем говорят свайные постройки бронзового и

¹ Н. А. Добролюбов Полн. собр. соч. т. 3, стр. 412—413.

² «Дело», 1876, № 3, стр. 359.

³ «Дело», 1876, № 9, стр. 108—109.

особенно железного века, которые отличаются гораздо большей прочностью и лучшей отделкой в сравнении с постройками каменного века. Все это, по словам Шашкова, «свидетельствует об усовершенствовании орудий...». В переходе человека к металлическим орудиям он видел серьезный скачок и в развитии его интеллектуальной силы, так как «они производились посредством отливки, и одно уже это указывает, насколько подвинулись вперед в умственном отношении тогдашние люди»¹.

Шашков утверждал, что нельзя составить себе верное представление о ранних формах религии, если подходить к этой проблеме изолированно, вне связи со всеми иными сторонами жизни первобытного человека: его трудовой деятельностью и бытом, языком и определенными знаниями, эстетическими вкусами и т. д. «Первобытного человека, — писал он, — мы можем изучать по его произведениям: его жилище объясняет нам образ его жизни, его гробницы указывают на культ мертвых, его оружие и укрепления говорят о способе войны, по его храмам мы можем судить о его религии, по инструментам — о его потребностях и способе их удовлетворения, по его украшениям — о степени его эстетического вкуса»².

Шашков высмеивает Пальгрева и других буржуазных скептиков, отрицавших необходимость изучения истории древних народов. Свое нежелание заглянуть в глубь веков Пальгрёв оправдывал вздорным положением: «что потеряно, то потеряно, и что исчезло, то исчезло навсегда». Шашков не только заклеил эту негодную точку зрения на далекое прошлое человеческой истории, но и показал, что современная наука дает возможность проникать в такие отдаленные эпохи, о которых не сохранилось даже самых темных преданий. «Филология, геология, антропология и в особенности историческая археология в последнее время сделали очень много для решения вопроса о происхождении и развитии первобытной культуры»³. Он указывал, что обширные сведения о материальных условиях жизни древних народов, их культуре и религиозных представлениях содержатся в мифах, сказаниях, обычаях, церемониях, суевериях, играх, уцелевших в течение тысячелетий. Этими суждениями Шашков вплотную подходит к важному вопросу о социальной обусловленности религии.

Следует отметить, что наряду с социальными предпосылками религии Шашкова занимала и гносеологическая сторона религиозных представлений первобытного человека. Он понимал, что только благодаря возникшей способности к абстрактному мышлению человек начал соответствующим образом преломлять в своем сознании конкретные условия окружающей его действительности, составляя при этом определенные представления, понятия, суждения. Необходимость развития познавательного процесса, по мнению Шашкова, диктуется все возрастающими жизненными потребностями людей. Он подчеркивал, что человек не может удовлетворяться готовыми дарами природы, — ему приходится самому добывать средства для жизни, а это предполагает необходимость борьбы с окружающей его природой, успех которой зависит от знания объективных законов развития природы и разумного их использования. Шашков считал, что в процессе познания окружающих явлений, особенно в его начальной стадии, первобытный человек, не располагая еще

¹ «Дело», 1876, № 3, стр. 370.

² Там же, стр. 357.

³ «Дело», 1876, № 9, стр. 102.

совершенными орудиями и опытом, неизбежно допускает множество ошибок, на почве которых постепенно складывались и вырастали всевозможные, более или менее устойчивые, религиозные верования. «Человек, — писал он, — имеет в своем сознании только то, что он извещал на опыте. Круг же опыта дикаря очень ограничен... У дикаря очень мало знаний... Слабость мышления дикаря резко проявляется в его неспособности обобщать свои представления... Он не может разделять, классифицировать, обобщать своих представлений; он часто не отличает даже своих сновидений и мечтаний от действительности и совершенно отождествляет их. В некоторых случаях он даже смешивает часть и целое, как мы видим в колдовстве, в этом пережившем остатке мирозерцания... С помощью этой логики человек долго не мог определить своих отношений к природе. Он не понимал ни природы, ни самого себя, и не предчувствовал тех могучих сил, которые таились в нем и постепенно, незаметно возвышали его над природой»¹.

Приведенные мысли Шашкова о происхождении религии не оставляют сомнений в том, что он пытался решить этот вопрос с позиций материализма. По его мнению, начало религии было положено олицетворением предметов и явлений природы. Основную причину олицетворения Шашков видел в том, что первобытный человек, не понимая еще качественного различия между собой и окружающими его предметами, наделял их соответственно теми же потребностями, стремлениями, чувствами, волей, разумом, переживаниями, которые были ему присущи. «Смотря на всю природу с чисто субъективной точки зрения, меряя все на свой аршин, первобытный человек создал ту систему очеловечивания, которая лежит в основе первичных религиозных представлений. Он не отделял себя от природы и все явления объяснял тем, что предполагал в них такую-же точно жизнь, какую сознавал в самом себе. Перенесение психических свойств человека на животных было, конечно, первым фазисом развития этой системы. Животные имеют так много общего с людьми, что отождествление их в уме первобытного человека было неизбежно»².

Антропоморфизацию природы Шашков не возвышал до уровня самостоятельной формы религии, а считал ее составным элементом первичного фетишизма, куда механически включал также и тотемизм. Он пытался самостоятельно решить проблему классификации истории религии. Еще с конца XVIII в. этот вопрос стал привлекать к себе внимание многих буржуазных ученых и философов. В их числе были Вольней, Гегель, О. Конт, Дж. Леббок, Э. Мюллер и др. В результате были предложены десятки самых противоречивых схем. Одни из них страдают крайней примитивностью, на других лежит печать чрезмерного схематизма, третьи навязывают идеалистическое толкование истории религии, четвертые за основу классификации принимают географические или этнические признаки и т. п. В этой связи представляет интерес книга С. А. Токарева о ранних формах религии³. Однако в его труде не нашли отражения взгляды русских революционных демократов на систематику религии. Так, Д. И. Писарев делит всю историю религии на три больших этапа: фетишизм, политеизм и монотеизм, С. С. Шашков — на четыре основные стадии: первичный фетишизм, первичный анимизм,

¹ «Дело», 1876, № 9, стр. 124—125.

² «Дело», 1876, № 10, стр. 66.

³ С. А. Токарев. Ранние формы религии и их развитие. АН СССР, М., 1964.

политеизм и монотеизм. Несмотря на то, что таксономические построения русских исследователей грешат схематизмом и другими недостатками, все же их попытки заслуживают внимания, ибо в них мы обнаруживаем настойчивое стремление осмыслить причины происхождения и развитие религии с позиций историзма и материализма, с позиций диалектики и новейших данных науки.

Итак, начальной стадией примитивных религиозных верований Шашков считал первичный фетишизм, характерной особенностью которого являлось наделение сверхъестественными свойствами материальных предметов и почитание их. По его мнению, первобытный человек прежде всего «обращал внимание только на то, что могло поддержать или погубить его жизнь, утолить его голод, жажду...»¹ По этой причине древние люди олицетворяли сначала наиболее близкие окружающие их предметы и в первую очередь животных, они стали верить в таинственное кровное родство с тем или иным видом животных — «тотемом». Эта разновидность религиозных верований была названа в литературе тотемизмом. Самое слово «тотем» взято из алгокинского языка (племени оджибвеев в Северной Америке) и впервые попало в европейскую научную литературу в конце XVIII века. При жизни Шашкова, в конце 1869 — начале 1870 гг., на страницах журнала «Fortnightly Review» была напечатана статья Мак-Леннана «О почитании животных и растений». Эта работа явилась первой попыткой раскрыть сущность тотемизма. Судя по списку источников, использованных Шашковым в связи с написанием работ по истории первобытной культуры и религии, статья Мак-Леннана не была ему известна, следовательно он ничего не знал и о существовании самого термина «тотемизм». Однако это не помешало ему заниматься изучением тотемизма.

Культ животных и растений Шашков рассматривал в общем плане первичного фетишизма. К основным причинам, породившим поклонение животным, он относил зависимость человека от животных, наделение их человеческими способностями мышления и языка, отождествление их образа жизни с образом общественной жизни людей, а также превосходство многих из них над человеком не только в физической силе, но хитрости и ловкости. В этих условиях, писал Шашков, человек «преклонился перед ними и признал их своими старшими братьями, даже своими родителями. Жители Тибета и некоторые племена Северной Америки, Индии и Африки считают себя потомками обезьян, камчадалы и индейцы чиппевей производят себя от собаки и т. д. Признав животных человекоподобными существами и чувствуя их превосходство над собой, первобытный дикарь, естественно, дошел до идеи зависимости своей судьбы от их произвола, до осознания необходимости ублажать их жертвами и знаками почтения. Возникло поклонение животным, до сих пор еще существующее в своей первичной форме во многих странах»².

Таким же образом Шашков трактовал рождение культа растений. Традиционное убеждение в святости хлеба и в том, что грешно небрежно обходиться с ним, он считал одним из пережитков первобытного поклонения растениям. По его мнению, в поклонении животным и растениям фантастически отразилась зависимость первобытного человека от окружающей его природы. Особым почетом у древних людей пользовались те растения, возбуждающее и опьяняющее действие которых они

¹ «Дело», 1876, № 10, стр. 77.

² Там же, стр. 66—67.

рассматривали как проявление сверхъестественной силы. Таким путем, отмечал Шашков, в Индии возникло поклонение цветку лотоса, в Персии — гоаме, в Греции — винограду, в Перу — табаку и коке.

Шашков считал, что по мере развития общественных отношений, а вместе с тем и способности человека к абстрактному мышлению, представления о сверхъестественном значительно усложнились, появилось множество новых фетишей, возникли новые культы. Наряду с поклонением животным и растениям, рождается боготворение стихийных сил природы. В состав наиболее популярных объектов фетишистского поклонения вошли величественные скалы и горы, необозримые моря и океаны с их шумом, бурями, приливами и отливами, ветры и тучи, молния и гром, дождь и радуга, луна, звезды и солнце и, наконец, верховные фетиши — земля и небо. Фетишист верил, что нет ничего на свете, чего бы фетиш не мог сделать. Он предохраняет от болезней, приносит дождь, наполняет реки и моря рыбами, придает обладателям храбрость и приводит в смятение врагов и т. п. Шашков правильно указывал что «с развитием коллективной жизни наряду с личными фетишами явились фетиши семейные, родовые, национальные»¹.

Шашков правильно понимал, что социальные сдвиги в первобытном обществе оказывали благотворное влияние на развитие умственных способностей человека. Если в самом начале он индивидуализировал все предметы, каждый гром казался ему отдельным существом, точно также каждый день для него катилось по небу новое солнце, а не то, которое он видел вчера, то «по мере умственного развития,— писал Шашков,— явления объединялись, предметы обобщались и человек начал поклоняться уже не индивидуальным предметам, а целым родам... бесчисленные фетиши, не теряя своего личного значения, располагались по родам и рангам и приводились в родство или подчинение нескольким главным божествам. Горы, скалы, камни, рассеянные по земной поверхности, растения, рождаемые и питаемые землей, животные,— все это оказывалось в тесной зависимости от земли вообще,— и вот явилось верховное божество — Мать-Земля... Точно тем же путем дождь, гром, радуга, роса, ветер, звезды, луна, солнце, не теряя своего личного значения, были подведены под власть другого верховного бога — Неба»².

Наряду с этим Шашков отмечает, что фетишистское отношение к различным материальным предметам означало не только олицетворение — здесь налицо и то самое удвоение природы, о чем как об отличительной черте первобытных религиозных верований говорили Тэйлор, Спенсер и другие представители анимистической теории. Но это удвоение, поясняет он, связано не с разделением предметов на тело и душу, а с сочетанием в них чувственного и сверхчувственного: «Фетиш считался цельным, живым существом, а не вместилищем какого-нибудь духа...»³.

С точки зрения Шашкова древний человек «поднялся» не сразу до разделения предметов на тело и душу, как полагал Тэйлор и его единомышленники. Здесь уместно сказать, что Маркс и Энгельс не только отмежевались в этом вопросе от Тэйлора, но даже не употребляют самый термин «анимизм». Противоположную позицию занимал Плеханов. Он явно преувеличивал значение анимистической теории, считая, что лю-

¹ «Дело», 1876, № 10, стр. 73.

² Там же, стр. 80—81.

³ Там же, стр. 73.

бая религия невозможна без анимизма. К этому выводу Плеханов приходит в результате отождествления понятий сверхъестественного и анимизма. Он не заметил того, что всякое анимистическое представление есть представление о сверхъестественном, но не всякое представление о сверхъестественном может быть признано анимистическим. В отличие от Плеханова Шашков, как уже говорилось, не признавал анимистическими ранние фетишистские верования, которые еще были далеки от веры в бога-духа. «Религию первобытного человека, писал он, нельзя назвать богопоклонением в строгом смысле этого слова. Дикарь боится всего, что кажется ему странным и непостижимым, и считает сверхъестественным все то, чего он не в состоянии понять»¹.

Если вначале первобытный человек обращал внимание только на свою непосредственную, земную обстановку, то впоследствии, в связи с расширением своего трудового опыта и умственного кругозора, он стал интересоваться более отдаленными от него предметами, включая атмосферные явления и небесные тела. Выясняя обстоятельства, породившие фетишистские поклонения небесным телам, Шашков писал: «Свет и тепло, исходящие от светил, течение последних, периодические перемены времен года должны были сильнее всего возбуждать внимание человека и более, чем что-нибудь другое, наводить его мысль на путь к точным знаниям. Чем более наблюдал человек свод небесный и его отношения к земной жизни, тем более убеждался он в зависимости последней от первого. Оказывалось, что важнейшие перемены, совершающиеся на земле, зима и лето, жар и холод, засуха и наводнение, зависят от неба и сияющих на нем светил»².

Мифы и языки готтентотов, пайгуасов, литовцев, арабов, греков, индусов, гренландцев, римлян и других народов убеждают Шашкова в том, что луна с ее странным диском и таинственным светом, с ее влиянием на прилив и отлив моря явилась первой из небесных светил фетишистского поклонения. Но со временем, когда человеку удалось выяснить, что не луна, а солнце играет решающую роль в мировой и в его собственной жизни, оно оттеснило луну на второй план и заняло первое место в фетишистском пантеоне у подавляющего большинства народов. Бенгальцы, индейцы отдавали предпочтение звездам, считая, что они выше и старше солнца, и верили, что они оказывают большое влияние на их судьбы. Мексиканцы, индейцы Ориноко, гренландцы принимали небесные светила за людей. Гренландцы видели в луне и звездах своих предков, которые при особых обстоятельствах были взяты на небо. В этих ранних фетишистских представлениях Шашков видел зарождение астрологии. Несмотря на абсурдность астрологии, он считал, что «эти пережившие суеверия не доказывают, однако, того, чтобы поклонение светилам имело затмевающее влияние на ум человеческий. Напротив, этот культ содействовал развитию первых точных и научных знаний, так как стоял в теснейшей связи с астрономией»³.

Это утверждение Шашкова хотя и является ошибочным, но содержит в своей основе рациональное зерно. Астрология, занимающаяся «предсказанием» судеб людей по положению звезд несовместима с наукой. Известно, что ни культ небесных светил, ни вера в судьбу человека, фантастически определяемая положением звезд, а хозяйственно-эконо-

¹ «Дело», 1876, № 11, стр. 82.

² «Дело» 1876, № 10, стр. 77.

³ Там же, стр. 80.

мические потребности древних народов вызвали к жизни развитие первобытной науки, в том числе и астрономию. «Необходимость вычислять периоды разлития Нила,— писал Маркс,— создала египетскую астрономию, а вместе с тем господство касты жрецов как руководителей земледелия»¹.

Наряду с этим Шашков был прав в том, что возникший интерес первобытного человека к небесным светилам, активное наблюдение за ними, даже с позиций астрологии, в какой-то мере способствовали накоплению и положительных знаний, что нашло свое отражение в субординации фетишистского пантеона. Наиболее показательным в этом отношении является вытеснение лунного культа культом солнца.

Говоря о поклонении стихийным силам природы, Шашков обратил внимание на то, что этот культ осуществлялся всеми древними народами. В этой связи исследователь подчеркивал, что древний русский человек «оживотворял в своем представлении все предметы и явления природы и к нему вполне приложимы слова:

С природой одною он жизнью дышал,
Ручья разумел лепетанье,
И говор древесных листов понимал,
И чувствовал трав прозябанье.

Он жил с природой, можно сказать, в тесном семейном союзе, во главе которого стояли отец — небо, мать — сыра земля, солнце красное, месяц ясный, море синее, веселый Дунай и т. д.»².

Видное место в развитии первобытных религиозных верований занимают мифы, в которых, указывал Шашков, «можно найти множество частных, отлично характеризующих умственное, материальное и социальное положение первобытного человека»³. Он считал, что «потребность объяснения явлений природы ведет к созданию мифов»⁴. Большое значение Шашков придавал мифам и сказаниям, связанным с представлением древних людей о земле, на которой они живут, трудятся, радуются и страдают. Особенно много мифов сложилось вокруг затмений солнца и луны, времен года, рождения мира, которые, по его мнению, занимают ведущее место в мифологии древнего человека. «Подобно солнцу и луне, которые временно поглощаются чудовищами затмения или грозовой тучи, день регулярно поглощается ночью и освобождается из пасти ее на рассвете, лето побеждается чудовищем зимы, чтобы потом снова освободиться от него. Все эти сцены из великой драмы природы, эта борьба света с тьмой, тепла с холодом, принимают мифическую форму и дают главное содержание мифологии»⁵.

Рассматривая первые варианты мифа о природе, Шашков заметил, что они пронизаны общей идеей о ее рождении, идея же о сотворении мира возникла позже. Пережитки этих древних воззрений до сих пор еще сохраняются в нашем языке, например, в выражении «родился на небе месяц». Прийдя к такому заключению, первобытный человек считал, что все предметы произошли от общих родителей — неба и земли,

¹ К. Маркс. Капитал, т. 1. 1955, стр. 517.

² «Дело», 1878, № 11, стр. 8.

³ «Дело», 1876, № 9, стр. 102.

⁴ «Дело», 1876, № 12, стр. 90.

⁵ «Там же, стр. 91

которые вначале были слиты воедино, образуя предвечный хаос, о чем, как утверждал Шашков, наиболее ярко свидетельствуют японская сага и новозеландский миф. В японской саге говорится, что «вначале небо и земля были слиты, было только мужское и женское начало, ни одно из них не произошло из другого. В хаосе, имевшем вид яйца, были семена всех вещей. Чистые и светлые частицы поднялись вверх и образовали небо, а тяжелые и темные опустились вниз и образовали землю»¹. В новозеландском мифе рассказывается, что родителей — небо и землю, предвечно живших вместе, некогда насильственно разлучил их сын — отец лесов при поддержке своих четырех великих братьев: отца хлеба, отца рыб, отца дикорастущей пищи и отца ветров и бурь, который, однако, затем последовал за своим отцом в поднебесную высь, его дети — могучие ветры, буйные шквалы, темные тучи с громом и молнией ломают деревья, уничтожают растения, бичуют воды. Разлука неба с землей не поколебала их взаимной любви: теплые, мягкие вздохи любящей земли и поныне возносятся к небу, и люди называют их туманами, а небо, тоскуя по возлюбленной, часто ночью проливает слезы на ее грудь, и люди называют их каплями росы. «В этом прекрасном, детски наивном мифе, — писал Шашков, — мы можем проследить процесс первобытного мифического творчества. Лес, море и все вещи родились от неба и земли. . . С постепенным переходом природного мифа в героический эта детски-наивная простота мысли более и более затемняется личными подвигами и свойствами антропоморфических божеств»².

Здесь следует подчеркнуть еще одну важную сторону вопроса, которая нашла отражение у Шашкова. Он писал: «Как скоро небо и земля превращаются в антропоморфические божества, процесс творения изменяет свой характер и небо и земля из творцов делаются творением»³. Об этих существенных изменениях во взглядах на происхождение мира (путем божественного творения) довольно прозрачно говорится в бурятском, финском, ассирийско-вавилонском, египетском мифах, в сказании карпатских руссов, в которых Шашков заметил явные следы библейского влияния. Идея сотворения мира нашла яркое отражение и во всех прочих религиях классового общества. «В буддизме, — отмечал Шашков, — безначальный Будда. . . приступил к творению видимого мира из райского цветка. . . он положил начало основания вселенной»⁴.

Детальное изучение мифологии убедило Шашкова в том, что «несмотря на все чудовищные искажения истории, мифы могут служить превосходным историческим материалом для изучения первобытной жизни, языка, обычаев, характера мышления, миросозерцания»⁵. С этим выводом нельзя не согласиться. К. Маркс в своей «Критике гегелевской философии права и указывал, что «древние народы переживали свою предысторию в воображении, в мифологии. . .»⁶.

Изучая мифы в их первобытной форме, Шашков подчеркивал, что современному исследователю приходится иметь дело со смесью разнообразных верований, которые извращают творческий колорит мифа, этому способствует отсутствие наклоностей у древних народов к религиозной нетерпимости: «. . . Дикие народы, принимая чужие верования,

¹ Записки императорского русского географического общества, 1864, № 2, стр. 29.

² «Дело», 1876, № 12, стр. 99—100.

³ Там же, стр. 97.

⁴ Там же, стр. 100.

⁵ Там же, стр. 103.

⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс. О религии, М., Госполитиздат, 1955, стр. 34.

смешивают их с своими, искажая и обезображивая и те и другие. Вот эта-то смесь разнообразных верований затемняет и искажает первоначальную форму и творческий колорит первобытного мифа»¹.

Наступило время, когда фетишизм, тотемизм и мифология утратили свое первобытное значение, однако их остатки сохраняются и поныне. В трудах Шашкова есть много примеров подобного рода. В некоторых странах Африки крокодилы, змеи, большие деревья и другие предметы пользуются большими почестями. Среди сибирских остяков встречаются люди, которые клянутся именем медведя. Среди немецких крестьян до начала прошлого века сохранялись остатки первобытного поклонения ветру, который считался у них прожорливым, голодным существом. Виргинцы с поднятыми кверху руками и взглядами поклонялись солнцу при восходе и заходе. В странах Азии, Африки, Австралии, Америки, Европы, включая и Россию, сохранились пережитки верований в личные фетиши, которые продолжают существовать в форме амулетов. «Старое держится упорно, — писал Шашков. — Даже теряя под влиянием новой жизни свой первоначальный смысл, оно продолжает, иногда в течение тысячелетий, господствовать над умами людей своею первобытною формою»².

Нельзя согласиться с утверждением Шашкова о том, что в процессе выяснения относительной важности и взаимной связи всех своих фетишей, первобытный человек пришел к созданию «стройной системы фетишизма». Нет никаких оснований фетишизм, как и любую религию, называть «системой», да еще «стройной». В противоположность науке религия служит туманным покрывалом действительности. Реальные процессы и явления природы и общества находили в фетишизме извращенное, ложное отражение.

Несмотря на то, что трактовка Шашковым вопроса о происхождении религии и ее начальной стадии развития требует в ряде случаев уточнения в свете новейших данных науки, основные принципы его интерпретации остаются в силе. Критическое изучение философско-атеистического наследия Шашкова, как и других мыслителей прошлого, имеет большое практическое и политическое значение в деле подготовки квалифицированных пропагандистов научного атеизма. В. И. Ленин неоднократно указывал, что широкое использование достижений атеистической мысли прошлого позволит сделать пропаганду научного атеизма более разнообразной и действенной.

¹ «Дело», 1876, № 12, стр. 104.

² «Дело», 1876, № 9, стр. 97.

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ РАБОТЫ ПОСТОЯННЫХ ПРОИЗВОДСТВЕННЫХ СОВЕЩАНИЙ — ТРЕБОВАНИЕ ПРОГРАММЫ КПСС

Н. Г. Беседин

В условиях развернутого строительства коммунизма возрастает роль общественности в развитии общества.

Курс Коммунистической партии на всемерное развитие общественных начал в управлении государством и производством является практическим осуществлением задач, поставленных Программой КПСС, о постепенном преобразовании государственности в коммунистическое самоуправление. Развитие общественных начал и повышение роли общественности особенно важно для совершенствования управления основной ячейкой народного хозяйства — социалистическим предприятием. Именно здесь, на предприятии, решается целый комплекс хозяйственных задач, направленных на выполнение государственных планов. Уже теперь заводом, фабрикой, цехом вместе с администрацией управляют рабочие собрания, общественные организации и творческие объединения трудящихся.

Значительный вклад в управление производством вносит и общественность предприятий Харьковской области. Так, только в последние годы число участников различных общественных объединений трудящихся, занимающихся управлением и организацией производства, составило здесь более 100 тысяч рабочих, ИТР и служащих¹.

В настоящее время на предприятиях страны, кроме партийных, профсоюзных, комсомольских организаций и ряда создаваемых ими комиссий, действуют различные объединения трудящихся, которые вместе с администрацией решают многочисленные сложные вопросы организации и управления производством. Но самой эффективной и испытанной формой привлечения трудящихся к управлению производством в современных условиях являются постоянно действующие производственные совещания. Это наиболее широкие организации рабочих и служащих, включающие в свой состав представителей партийных, профсоюзных и комсомольских организаций, членов первичных организаций НТО, ВОИР и других объединений трудящихся. Сейчас в стране насчитывается более 125 тысяч постоянных производственных совещаний².

На предприятиях Харьковской области таких совещаний 1852. Непрерывно возрастает и количество участников в них. Так, если

¹ Текущий архив Харьковского облпрофсовета, отдел производственно-массовой работы, отчетные данные на 1 января 1965 г.

² «Правда», 9 июля 1965 г.

в 1958 г. в состав постоянных производственных совещаний входило 54317 чел., то теперь число их участников достигает более 70 тыс. человек¹.

Производственные совещания под руководством партийных и профсоюзных организаций предприятий решают наиболее важные вопросы управления производством, повышения его экономической эффективности, борьбы за технический прогресс, организации и культуры производства. Они повышают чувство ответственности работников предприятий за соблюдение государственной и производственной дисциплины, способствуют воспитанию коммунистического отношения к труду, к общественной собственности. Можно привести немало примеров хорошей работы постоянных производственных совещаний. Так, постоянные совещания заводов Тракторного, Турбинного, имени Малышева много внимания уделяют таким вопросам, как выполнение государственной программы, задачи коллективов по использованию внутренних резервов производства, повышение культуры производства, выполнение технико-экономических показателей, дальнейшее улучшение экономической работы на заводах и т. п.².

Однако в ряде случаев постоянные производственные совещания работают плохо. На харьковских предприятиях транспортного оборудования, заводах «Полиграфмаш», «Южкабель», «Серп и молот» и других производственные совещания слабо влияют на улучшение руководства и организацию производства. Иные из них редко проводят свои заседания, намного ослабили контроль за выполнением своих решений³.

И дело не только в том, что на некоторых предприятиях партийные и профсоюзные организации ослабили руководство производственными совещаниями. Существуют и другие очень важные причины, сдерживающие активную деятельность этих совещаний. Как известно, работа постоянных производственных совещаний носит сессионный характер, т. е. практически совещания созываются один-два раза в квартал на предприятии и не чаще одного раза в полтора месяца в цехе.

Созывать совещания чаще в условиях сменности работы предприятий представляет определенные трудности. В то же время в период между заседаниями постоянно действующего производственного совещания на предприятиях возникают очень важные вопросы управления производством, которые не терпят отлагательства и нуждаются в широком обсуждении с участием специалистов, новаторов и передовиков производства. Очевидно, именно по этим причинам на предприятиях создаются всевозможные комиссии и советы, которые более оперативно решают отдельные вопросы управления производством. Так, на многих харьковских предприятиях существуют комиссии и советы по повышению производительности труда, культуре производства, по снижению себестоимости, улучшению качества продукции и другие. Все эти временные и постоянные комиссии и советы рассматривают вопросы, которые в соответствии с существующим Положением должны решать постоянные производственные совещания. Но производственные совещания не

¹ Текущий архив Харьковского облпрофсовета, отдел производственно-массовой работы, отчетные данные на I. I. 1965 г.

² Текущий архив Харьковского облпрофсовета, отдел производственно-массовой работы, отчетные материалы и справки о работе постоянно действующих производственных совещаний за 1964—1965 гг.

³ Там же.

в состоянии повседневно заниматься этими вопросами опять-таки в силу организационных недостатков в их деятельности.

В связи с этим заслуживают серьезного внимания предложения общественности харьковских предприятий о совершенствовании структуры и расширении функций производственных совещаний, о превращении президиумов постоянно действующих производственных совещаний в оперативный орган, который совместно с администрацией руководил бы производством.

Очевидно, необходимо расширить круг вопросов, рассматриваемых президиумом совещания, сделать президиум более оперативным, активно влияющим на все дела предприятия. Деятельность президиума по существующему Положению ограничена лишь такими функциями, как определение повестки дня и подготовка заседаний, информации о плане работы производственных совещаний, организация контроля за выполнением принятых решений и предложений. В данном случае деятельность президиума сведена лишь к подготовительно-контрольным функциям, и он не имеет всей полноты власти исполнительного органа, ибо в период между заседаниями постоянного производственного совещания президиум никаких, даже неотложных, производственных вопросов не решает.

Превращение президиума постоянного производственного совещания в более оперативный исполнительный орган, а в связи с этим и совершенствование всей структуры производственных совещаний полностью отвечает требованиям Программы КПСС: «Партия будет содействовать тому, чтобы профсоюзы усиливали свою деятельность по руководству хозяйством, превращая постоянные производственные совещания во все более действенные органы, способствующие улучшению работы предприятий и контроля за производством»¹.

Расширение прав президиума постоянного производственного совещания могло бы найти свое конкретное выражение в обсуждении и принятии им соответствующих решений по основным вопросам управления производством, предусмотренных Положением о постоянно действующем производственном совещании. Это вопросы планирования, новой техники, автоматизации и механизации производства, повышения производительности труда, улучшения качества и снижения себестоимости продукции, охраны труда и техники безопасности, нормирования и заработной платы и др.

Учитывая все возрастающее влияние общественности на более гибкое экономическое управление производством и улучшение экономического регулирования деятельности предприятия, целесообразно выносить на рассмотрение президиумов постоянных производственных совещаний вопросы планирования материально-технического снабжения и норм расходования сырья, обсуждение проектно-сметной документации и титульных списков по капитальному строительству, мероприятий по укреплению хозрасчета, рассмотрение и утверждение положений о цехах, отделах, о подборе и расстановке кадров хозяйственного руководства предприятия и цехов и т. д.

С целью дальнейшего развития демократии и помощи администрации в управлении предприятием, цехом, возможно, следует наиболее

¹ Программа Коммунистической партии Советского Союза, М. Госполитиздат, 1961 г., стр. 107.

важные приказы директора, начальника цеха также обсуждать на заседаниях президиумов постоянных производственных совещаний.

Наряду с расширением круга деятельности президиума производственных совещаний, очевидно, нужно решить вопрос и о его численности. Президиум должен включать в свой состав значительно большее число рабочих, ИТР, служащих, а также представителей общественных организаций, чем это предусмотрено ныне действующим Положением (от 5 до 15 человек).

Необходимо также подумать и о разделении президиума постоянного производственного совещания на секции по отдельным направлениям деятельности.

В связи с выработкой нового Положения о постоянно действующем производственном совещании, предусматривающего расширение полномочий совещания в целом, а также превращение его президиума в более оперативный орган, целесообразно дать правильное, более четкое наименование президиума. Пожалуй, полнее будет отражать природу этого органа наименование — рабочий совет.

Более четкое определение функций постоянного производственного совещания должно найти свое отражение и в определении круга вопросов, выносимых на рассмотрение совещания. Очевидно, при решении этого вопроса следует исходить из опыта работы постоянных производственных совещаний. Так, к примеру, вопросы текущего и перспективного планирования (особенно обсуждение проекта годового производственного плана), рассмотрение итогов хозяйственной и финансовой деятельности предприятия, цеха за определенный период, целесообразность и размеры капитальных вложений в промышленное, культурно-бытовое и жилищное строительство и некоторые другие, которые требуют наиболее широкого обсуждения и сбора как можно большего числа предложений, должны быть в центре внимания постоянного производственного совещания в целом.

Постоянные производственные совещания могли бы, по нашему мнению, представлять интересы коллектива при заключении, а затем и проверке выполнения коллективного договора. Как известно, большинство пунктов этого договора отражают также производственные задачи коллектива, которые призвано решать и постоянное производственное совещание. Обсуждение итогов выполнения и выработка рекомендаций по заключению коллективного договора усилит авторитет постоянного производственного совещания; кроме того, отпадет необходимость созывать ежегодно две специальных конференции.

Безусловно, высказанные нами предложения о совершенствовании деятельности и уточнении функций постоянных производственных совещаний и их президиумов не являются исчерпывающими и могут быть дополнены другими. Но в деле совершенствования деятельности общественных организаций и объединений трудящихся по управлению производством постоянным производственным совещаниям необходимо уделить основное внимание.

Лишь четко определив круг вопросов, которые входят в компетенцию производственных совещаний, а также их права и обязанности, можно решить вопрос о координации деятельности всех остальных объединений трудящихся по управлению производством. Советы новаторов, первичные организации НТО и ВОИР, общественные конструкторские бюро, бюро экономического анализа, технического нормирования, информации и другие требуют постоянного руководства и, что

особенно важно, координации их деятельности, направленной на разрешение первостепенных задач. Возможно, таким координирующим органом и станет впоследствии постоянное производственное совещание и его президиум — рабочий совет, имеющий секции по различным направлениям работы.

В решениях сентябрьского (1965 г.) Пленума ЦК КПСС, рассмотревшего вопросы улучшения управления промышленностью, совершенствования планирования и усиления экономического стимулирования промышленного производства, намечены меры по дальнейшему расширению демократических принципов управления, использования экономических предпосылок для более широкого участия масс в управлении производством и их воздействия на результаты экономической работы предприятий.

В свете этих решений затронутые в данной статье некоторые вопросы о повышении роли общественности в управлении производством приобретают в настоящее время особую актуальность.

